СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Даниил КАЛИНИН

ИГРА НЕ ДЛЯ ВСЕХ

КРЫМ 1942

Чтобы спасти любимую, надо переписать историю

Даниил Сергеевич Калинин

Игра не для всех. Крым 1942

Серия «Игра не для всех», книга 2

Серия «Современный фантастический боевик (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67729557
Игра не для всех. Крым 1942 : роман / Даниил Калинин: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-147384-6

Аннотация

Май 1942-го… До наступления 11-й армии Манштейна на Керченский полуостров и разгрома Крымского фронта остаются считанные дни. А до конца месяца обернётся катастрофой и Харьковская операция, немцы стремительно рванут к Сталинграду. Ещё до эвакуации жителей город уничтожат массированной бомбардировкой, а после в его развалинах развернётся ад уличных боев… Но именно в Сталинграде находится возлюбленная Ромы, а сам герой служит в Крыму. Чтобы спасти любимую и вернуть её в реальный мир, Самсонов должен переписать историю войны… Но сумеет ли он справиться в одиночку?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	25
Глава 2	43
Глава 3	56
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Даниил Калинин
Игра не для всех. Крым 1942

Пролог

8 мая 1942 года.

Декретное время: 4 часа утра.

Крымское побережье Чёрного моря в тылу 63-й горно-стрелковой дивизии. Крымский фронт

Светает… Невысокие гребни волн накатывают на берег и разбиваются о гальку, создавая неповторимый шелест, который я про себя называю шёпотом моря. Лишь немного волнуется бескрайняя водная гладь, теряющаяся ближе к горизонту в предрассветных сумерках, а утреннюю тишину пронзает крик одинокой чайки… Как же красиво здесь, в Крыму! Как же хочется забыть о войне… Как же хочется спуститься к пляжу с Олей, войти в пока ещё довольно прохладную воду, вдоволь поплескаться и тут же выскочить на берег, согревшись у не большого костерка и в объятьях любимой! Несбыточные мечты…

Пляж заминирован ФОГами – фугасными огнеметами. И

я с бойцами тут нахожусь не ради того, чтобы полюбоваться красотой природы, а в ожидании немецкого десанта.

В тылу, на значительном удалении от нашей позиции, послышался вдруг тихий шелест, и практически сразу за ним последовал мощный грохот и тяжелые удары, отдавшиеся дрожью даже в скальном грунте! Посмотрев на часы и отметив время – 4:05, я довольно улыбнулся: все идёт по плану. 25-й гвардейско-минометный полк нанёс первый, упреждающий удар по врагу! И думается мне, что под огнём «Катюш» фрицам приходится явно несладко… Три дивизиона, в каждом из которых три батареи по четыре установки РСЗО[1] БМ-13, ласково прозванной солдатами «Катюша». За десять секунд они дают залп из 576 снарядов калибром 132 миллиметра и накрывают ими площадь в семьдесят-сто гектаров. Как раз самое то, чтобы хорошенько так врезать по скопившимся на переднем крае ударным частям нацистов…

Вот только в реальной истории 25-й гвардейско-минометный полк также вёл огонь по начавшим атаку немцам. И помешать наступлению противника не сумел, что все же несколько удивительно на фоне разрушительной мощи реактивных снарядов. Но все, что Александр сообщил мне на этот счет прежде, чем я начал очередное погружение, это то, что огонь вёлся в момент наведения переправ через противотанковый ров у ак-монайской позиции.

Не самое удачное применение первых отечественных РС-

[1] РСЗО – реактивная система залпового огня.

ЗО, учитывая, что они не могут вести точного огня, а бьют по площадям. Впрочем, думаю, что в большей степени сказалась повсеместная для Крымского фронта нехватка снарядов: сейчас полк сумеет дать три-четыре залпа. А после, в переломный момент боя мы сможем задействовать уже только один дивизион на два, максимум три синхронных запуска. Плюс не стоит забывать, что реальная численность советских подразделений на Крымском фронте редко достигает штатной. В 25-м гвардейско-минометном полку есть батареи и из трех, и даже двух машин, а всего их двадцать четыре вместо тридцати шести. Но все равно ураганный удар пусть даже двадцати четырех установок залпового огня должен ну *очень* взбодрить фрицев! И действительно, где-то в тылу слышатся продолжительные взрывы… Может, удалось заткнуть хоть одну из батарей немецких РСЗО?

Для прорыва позиций 63-й горнострелковой дивизии РККА Манштейн стянул шесть батарей установок залпового огня «Nebelwerfer» («метателей тумана»), шмаляющих 150-миллиметровыми снарядами, плюс как минимум две шестиорудийные батареи стационарных установок, запускающих реактивные снаряды 280 и 320 миллиметров. Германские РСЗО наши уменьшительно-ласкательно кличут «Ванюшами», но бьют эти «Ванюши» будь здоров. Особенно более мощные калибры – их ударная волна разрывает барабанные перепонки у находящихся под обстрелом бойцов и вызывают среди них сумасшедшую панику, практически полностью

деморализуя попавших под обстрел людей.

Более или менее спокойно выждав некоторое время, я начинаю то и дело украдкой смотреть на часы со все более нарастающим волнением. 4:12… 4:13… 4:14…

4:15.

Второй залп «Катюш», на перезарядку которых уходит в среднем до десяти минут, хотя опытные расчеты могут справиться и вдвое быстрее. И все же для нанесения синхронного удара командиры дожидаются зарядки всех установок. Как бы то ни было, я вновь слышу только лишь тихий шелест запуска оперенных реактивных снарядов М-13.

4:16.

С немецкой стороны доносится очередная серия взрывов – и все. Неужели мы сорвали вражескую артподготовку?!

4:17.

В тылу раздаётся гулкий рев, похожий на ишачий, потом странный, жутковатый скрип – и под занавес оглушительный грохот взрывов.

На нашей стороне. Причём в этот раз скалы на берегу задрожали заметно сильнее…

4:20.

Артподготовка фрицев заканчивается. Сумасшедший, беспрерывный шквал огня на протяжении трех минут – помимо РСЗО советские позиции перепахала и многочисленная гаубичная артиллерия фрицев. В моменты наиболее мощных взрывов меня буквально подбрасывало над камня-

ми, и честно признаться, мне страшно даже представить себе, что чувствуют сейчас бойцы, оставшиеся на старой позиции… Душу начинают терзать запоздалые муки совести – ведь именно я настоял, чтобы в траншеях за противотанковым рвом остались по две наиболее боеспособные роты от каждого полка. Сейчас же «наиболее боеспособных» три минуты подряд мешала с землей реактивная и гаубичная артиллерия противника… С другой стороны, это все равно лучше, причём значительно лучше, чем то было в реальной истории, когда под ураганный налет РСЗО и крупнокалиберных «чемоданов» попала вся дивизия, дико скученная в узких, плохо обустроенных траншеях. Отведя стрелковый заслон за противотанковый ров и заминировав пространство перед ним немногочисленными противопехотными минами, комдив заставил бойцов за ночь надежно закопаться в землю. Пусть даже в стрелковых ячейках, но так, чтобы целиком, с головой. Потому, несмотря на мощь вражеской артподготовки, потери у прикрытия, разбросанного по довольно широкой площади оборонительных позиций, явно не слишком большие. Так что наводящих переправу фрицев наши стрелки встретят…

И вновь в тылу с нашей стороны раздается тихий шелест запуска «Катюш». Третий залп… Интересно, а двухминутное запоздание фрицевского удара – это как раз результат нашего артналета, или у меня просто часы чуть спешат?

Впрочем, это уже и не столь важно. Главное – я сделал все

для себя возможное на стадии подготовки. Теперь же мои способности и умения придется применить в области боевой практики.

На скатах горы Ас-Чалуле стоит артиллерийский дот, прикрывающий обширный участок берега Феодосийского залива. В реальной истории он был захвачен морским десантом фрицев – в общей сложности одной усиленной саперами и огнеметчиками ротой 436-го пехотного полка. Силы десанта, прорвавшегося сквозь заградительный огонь пушек и стрелкового оружия, были невелики – всего полторы сотни солдат и офицеров. Но именно их успешная атака стала последней каплей в разгроме 63-й горнострелковой дивизии – дивизии, проутюженной артподготовкой крупнокалиберной артиллерии, РСЗО, а позже авианалетом. Панический крик «немцы в тылу» вызвал настоящую панику, приведшую к беспорядочному оставлению позиций. Правда, тут стоит все же добавить, что в момент отступления 63-я горнострелковая дивизия уже потеряла всю артиллерию и находилась под прямым огнем немецких штурмовых орудий типа «штуг» и «мардер».

Конечно, судьба битвы и самого Крымского фронта в целом решится не здесь. Но по итогам подготовки к отражению вражеского удара лишь мой взвод бойцов НКВД стал единственным резервом дивизии, который чудом удалось выбить у командования для встречи десанта.

Вот только хватит ли двадцати семи бойцов при трех руч-

ных пулеметах и одной снайперской винтовке, чтобы отразить немецкий удар?

Время покажет.

…5:15. В тылу, на рубеже противотанкового рва идет ожесточенная стрельба. Ночью все советские переправы должны были быть заминированы и взорваны уже во время артподготовки. Так что по идее сейчас саперные группы 28-й легкой пехотной дивизии вермахта наводят переправы под огнем прикрытия. Наши же командиры должны стянуть личный состав как раз к месту инженерных работ, и хотя у них и отсутствуют станковые пулеметы, зато число ручных доведено до штатной нормы, бойцам выданы удобные и простые в использовании «лимонки» Ф-1. Кроме того, защитников противотанкового рва усилили двумя отделениями снайперов, разбитых по парам. Сейчас прикрытие выигрывает время на обустройство основного рубежа обороны, в спешке возводимого в течение всей ночи, и выбивает как можно большее число немцев. Но как только переправы будут окончательно готовы, советские подразделения должны отступить к основным силам.

…Правда, это все планы. Как пойдет на самом деле – точнее, как идет уже сейчас! – мне, увы, неизвестно. Однако сам факт плотной стрельбы свидетельствует о том, что бой идет и что ров не сдан противнику без драки, а значит, роты прикрытия сохранили боеспособность, несмотря на артобстрел.

Уже хорошо.

5:17.

Вон они, голубчики, показались… В снайперский прицел СВТ уже более или менее различимы довольно быстро двигающиеся к берегу моторные лодки. Много их, не меньше сорока… И тут же в унисон моим мыслям ударило орудие из дота, подняв фонтан воды чуть позади немецких катеров. Ну, ничего, это пристрелочный. Сейчас мы вам, твари, устроим «Омаха-бич» Крымского разлива!

– Напоминаю, стрелки открывают огонь в момент высадки… Расчеты Ковалева, Петренко, Сергеева молчат до моего приказа!

Нужно взбодрить бойцов и заодно напомнить им о заранее доведенном плане на бой.

В принципе-то ничего особенного: рядовые бойцы, кто с «мосинками», кто теперь уже с довольно редкими в войсках СВТ, начинают стрелять после того, как вражеские саперы примутся разминировать поле ФОГов. Есть вероятность, что при моей снайперской поддержке мы сумеем если не выбить, то проредить их настолько, что немцы просто не смогут продвинуться далее заминированного пляжа. Однако есть вероятность, что противнику все же удастся пройти вперед – что же, в таком случае мы подпустим фрицев на дистанцию кинжального огня и накроем фланкирующим и фронтальным огнем трех ручных «дегтяревых». Своих бойцов я расположил по схеме «взвод в обороне», чуть выведя вперед два отделения на флангах и заняв позицию в центре с третьим

отделением, немного ближе к доту. Таким образом, немецкий десант, вынужденный атаковать долговременную огневую точку, попадет в огневой мешок – ну это, конечно же, по плану. А любые планы, как известно, имеют свойство разрушаться при первом же выстреле с вражеской стороны…

Пятьсот метров. Сделав несколько пушечных выстрелов, дот оживает плотным пулеметным огнем беспрерывно работающих «максимов». И он имеет результат: переворачивается одна лодка, идет на дно вторая, третья… Но уцелевшие немцы неудержимо прут к берегу, выжимая из моторов все лошадиные силы. Им сейчас лишь бы прорваться сквозь заградительный огонь дота…

Может, и нам стоит ударить прямо сейчас? Противник уже в зоне поражения ручных пулеметов… Но нет, рано. Даже если уничтожим половину десанта – и это в лучшем случае! – то оставшиеся фрицы, озлобленные потерями и осознающие, что теперь только вперед, будут уже целенаправленно выбивать проявившие себя расчеты. Нет, лучше немного обождать…

– Ждем!

Мой голос звучит громко, уверенно, бодро, как и подобает командиру, пусть он даже и сомневается в правильности выбранного решения. Но пока сомневается *только* командир, это еще не страшно. Гораздо хуже, если его тревога передастся подчиненным, и те начнут думать не о драке, а как бы уцелеть – причем каждый сам за себя… Вот только

горькая правда войны заключается в том, что подразделение живо и сражается, пока его бойцы дерутся как единое целое, стремясь выполнить поставленную задачу. Такие части умудряются пройти самые напряженные схватки, выжить в самых безнадежных ситуациях – понятно, что не всем составом, но все же… А вот когда среди бойцов каждый озадачен собственным спасением, то подразделение погибает гарантированно, и процент смертности в его рядах однозначно выше. Так что побольше бодрости и командирского напора в голосе – и взвод будет до последнего верить, что и при пятикратном численном превосходстве врага нам ничего не стоит его остановить. С другой стороны, в бою на третьей заставе было и посложнее – однако же отбили все атаки! И сейчас отобьемся. Наверняка.

…До берега не дошло девятнадцать лодок, еще с двадцати восьми начался десант. Нет, я не считал перевернувшиеся и пошедшие на дно плавсредства, просто у меня есть послезнание об этом десанте. На пляж сейчас выберется всего полторы сотни человек, затем они должны быстро разминировать ФОГи, несмотря на огонь из дота… Но посмотрим, как получится в этот раз.

Солнце уже поднялось над водной гладью, так что никаких сложностей для ведения точной стрельбы нет. Поэтому я без всяких проблем ловлю в оптический прицел ПУ, дающий 3,5-кратное увеличение, грудь сапера, уже нащупывающего ближнюю к берегу мину стальным щупом, и мягко жму

на спуск. Немца отбрасывает на спину, а я, окрыленный первым успехом, зычно кричу:

– Стрелки! Огонь по саперам противника! Пулеметчики молчат!

Отдав команду, чуть подаюсь назад и мягко перекатываюсь к соседнему валуну. Можно было продолжить стрельбу и с первой «лежки», но приобретенные навыки и инстинкты просто кричат о необходимости смены позиции. Так что я действительно меняю ее, чтобы через несколько секунд вновь поймать в полукрест оптики очередного сапера – и также быстро его снять. А чуть правее у берега уже ярко полыхнуло пламя, охватившее неосторожно сунувшихся вперед солдат противника. Они вскочили с земли жуткими живыми факелами и бросились к воде, отчаянно размахивая руками; их дикий, полузвериный рев резко ударил по ушам, заставив невольно поежиться… Страшная смерть.

Рискнув сделать второй выстрел с одной и той же позиции, я, во-первых, промахиваюсь – жертву в последний миг сбили наземь толчком со спины, а во-вторых, каменное укрытие приняло на себя пулеметную очередь, легшую всего в десятке сантиметров ниже мой головы. Нырнув за валун, я вынужден отметить очень сильный ответный огонь врага и то, что, потеряв с десяток саперов за первые секунды боя, фрицы изменили тактику. Весь десант залег у берега, по-прежнему обстреливаемого из дота, хотя, по совести сказать, захлебывающиеся очереди «максимов» в большей сте-

пени рассеиваются по гальке, доставая врага лишь случайно. Похоже, в доте за пулеметами стоят или слишком неопытные бойцы, не осознающие, что залегшего врага нужно выбивать короткими, прицельными очередями, или у них просто сдали нервы. А вот немцы очень быстро разобрались, что над галькой торчат сопла и крышки корпусов огнеметов, и, больше не приближаясь к ним, начали закидывать вполне различимые при солнечном свете ФОГи гранатами. Ярко полыхнул один, другой, третий… И только пламя химической смеси спало, как первая группа фрицев тут же вклинилась в образовавшуюся в минном поле брешь под прикрытием машингеверов, расширяя участок прорыва.

– Огонь на пулеметчиков, выбивайте их!

Легко сказать, да сложно сделать. Мои стрелки сами оказались под плотным огнем десантников, штатно укомплектованных МГ на каждое отделение. Доплыли, правда, не все расчеты, но садят по нам явно больше десяти пулеметов. Причем звук стрельбы двух или даже трех машингеверов явно отличается от других более высоким темпом стрельбы. Да они буквально захлебываются огнем!

MG-42 – единый пулемет вермахта по прозвищу «коса Гитлера», разработанный в 1941 году и принятый на вооружение в начале 1942-го. Пришел на смену МГ-34 как более технологичный и дешевый в производстве, а также более неприхотливый к загрязнению и надежный в бою. Кро-

ме того, обладает значительно большим темпом стрельбы относительно МГ-34: 1200 выстрелов в минуту к 900.

Некоторые образцы оружия оснащены оптическими прицелами.

Н-да, без помощника, с просто всплывающей в голове информацией в виртуальной реальности как-то погрустнее будет. Но еще один уход в автономное «плавание» по миру «Великой Отечественной» меня как-то не прельщает. Лучше уж так, чем в случае гибели *здесь* мое сознание пойдет на зацикленную «перезагрузку», как у Оли, причем уже фактически позабыв себя настоящего!

«Господи, помоги мне вернуть Мещерякову домой, помоги разбудить ее…»

Осторожно высовываюсь из-за камня в поисках хотя бы одного из расчётов МГ-42. И сразу замечаю «косилку» справа от себя, то есть практически на оконечности левого фланга фрицев. Она – считай в одиночку – прижала головы бойцов второго отделения… Хмыкнув, крепко прижимаю приклад к плечу и ловлю в прицел голову первого номера расчёта. Задержка дыхания… Выдох…

Спуск.

Голова пулемётчика дёргается от удара, обрывается очередь МГ. Уже не столь тщательно целясь, ловлю в полукрест оптики второго номера. Выстрел. Слишком поспешный и оттого не очень точный, но пуля входит в плечо врага, прони-

кая в плоть по направлению к ключице. Даже если ещё жив, уже не боец…

Но всё-таки какая крутая вещь самозарядка! Вот попробуй погонять затвор вручную под каждый выстрел! А так удаётся сделать сразу два подряд, задавив, считай, главных людей расчета… Вновь инстинктивно нырнув за укрытие и поменяв точку стрельбы, с нарастающим бешенством наблюдаю, как фрицы успешно проходят уже половину пляжа. До нас им осталось чуть больше сотни метров! А длинные очереди «максимов», эффективные во время финальных рывков врага, когда его требуется именно заставить залечь, а уже потом выбивать по одному, по-прежнему не слишком эффективны и не могут остановить продвижение немцев. А пушки и вовсе молчат: по ходу, углы наклона орудий не позволяют вести огонь по высадившемуся на берег десанту…

– Филатов!

– Я!

– Ползком, короткими перебежками между камнями к доту! Передай его командиру и особенно пулемётчикам, что лейтенант войск НКВД Самсонов лично их всех расстреляет к хренам собачьим, если они не начнут бить по фрицам прицельно, короткими очередями!

– Есть!

На мгновение задержав взгляд на спине петляющего между валунами бойца, вновь разворачиваюсь лицом к противнику. Зараза, продвинулись ещё на десяток метров! Такими

темпами немцы уже минут через пять подойдут на бросок «колотушек»!

Ладно, без паники. Ведь это же и входило в мой план – подпустить врага поближе и ударить покрепче. Как тогда, во время второй атаки на третью заставу…

– Бойцы, приготовить «лимонки»! Бросаем по моему сигналу! Пулемётчики, открываете огонь сразу после взрывов!

Кстати, немецкий вариант агрессивного разминирования ФОГов хоть и весьма эффективен, но в то же время они ведь тратят на это все гранаты, и отделения прорыва вынуждены меняться под нашим огнём. Всё это приводит к тому, что фрицы приближаются к нашей позиции этакой вытянутой «змеей». Интересно, а сблизившись с нами, враг будет использовать «колотушки» для мин или все же с целью потеснить мой взвод?

Расстояние между бойцами НКВД и противником не очень быстро, но необратимо сокращается. Семьдесят метров… Шестьдесят… Пятьдесят. За это время я успеваю выбить ещё один расчёт двумя беглыми, точными выстрелами. Не могу гарантировать их убийство, но ранил точно, и вряд ли пулеметчики сумеют продолжить бой. Немцы продолжают давить гранатами вкопанные в землю огнеметы, вспышки пламени которых на время затрудняют точную стрельбу по врагу. Но зато очереди станковых «максимов» из дота наконец-то стали прицельными – значит, добежал Филатов. Молодец!

Ещё один рывок врага – и немцы приближаются уже на сорок метров. До последнего я боялся, что противник пустит в ход «колотушки» метров с пятидесяти, но как-то забыл, что броска такой дальности с земли не сделать. Нет, враг начнет метать гранаты с тридцати – тридцати пяти метров, как раз с эффективной дистанции броска «лимонок». Мои же бойцы рассредоточены за естественными укрытиями – выбить даже подобие стрелковых ячеек в скальном грунте было нереально, но выручили разбросанные у скатов Ас-Чалуле каменные валуны – поэтому могут себе позволить привстать для броска. И, уловив удобный момент во время очередного рывка противника, я отдаю приказ:

– Третье отделение! Гранаты!!!

Одну из двух своих «лимонок» кидаю одновременно с бойцами. Сразу несколько гранат взмывают в воздух и секунды полторы спустя падают рядом с немцами головной группы. Ещё через две секунды они практически разом взрываются, создавая ложное впечатление удара артиллерийского снаряда. И тут же я кричу:

– Пулемётчики! Огонь!!!

Оживают «дегтяревы» на флангах, открывает фронтальный огонь расчет Алексея Сергеева, занявший позицию в пяти метрах от меня. И тут же, пока пулемётчики противника переносят огонь на моих бойцов, я приподнимаюсь над валуном и ловлю в полукрест прицела ближний расчёт. Оптика приближает язычки пламени, пляшущие на раструбе враже-

ского МГ-34, а мгновением спустя – лицо первого номера, искаженное в злобной гримасе. Кажется, что наши взгляды встречаются… А потом я мягко тяну за спуск. Ударившая в лицо противника пуля обрывает стрельбу вражеского расчёта.

И тут же моя собственная голова взрывается болью… Обнаруживаю себя лежащим за валуном:

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант! Вы ранены?!

Очумело смотрю на склонившегося надо мной бойца, Славку Красикова. Рефлекторно киваю в ответ на его вопрос, сам же тянусь к месту, где боль прямо пульсирует. Зараза, зацепило чуть выше виска, и каска особо не помогла… Но рана неглубокая, так, царапина.

Тут же аккуратно высовываюсь из-за валуна, чтобы разобраться в ситуации. Так, похоже, отсутствовал я совсем недолго, может, всего пару секунд – немцы пока не продвинулись ни на метр, а по противнику все ещё работают все три моих расчёта. Причём мне действительно удался огненный мешок – очереди «дегтяревых» прорезают залегших на гальке немцев, с каждой секундой сокращая число зажатых между ФОГа ми десантников. Правда, и враг бешено огрызается огнём, но моих людей выручают естественные укрытия и более выгодная позиция.

Однако тут же я замечаю движение среди фрицев, начавших массово смещаться к началу колонны. Впрочем, иного пути у них и нет, только вперёд… До того мы практиче-

ски целиком выбили гранатами передовое отделение. Пусть дальность разлета осколков в сто метров у «лимонки» явно завышена (только отдельные её фрагменты могут столько пролететь), но даже семь метров сплошного поражения осколками и пять метров фугасного действия – это уже немало. Так что семь-восемь гранат гарантированно уничтожили человек шесть вражеских солдат, однако теперь немцы все плотнее подбираются к их трупам. Очевидно, что враг готовится к финальном рывку. А вот этого нам как раз и не надо, в ближнем бою нас просто сомнут числом…

– Третье отделение, приготовить гранаты! Бросаем по моей команде! Остальные – как фрицы вперёд дёрнутся, огонь по голове!

Несмотря на то что я ждал броска немцев, остановить их рывок вперёд не удалось. Только что они лежали на гальке, все гуще скапливаясь впереди, давя бешеным огнём пяти машингеверов мои расчёты. А вот уже к нам густо летят штук шесть-семь «колотушек». Мне везёт, ближняя ко мне граната, столкнувшись с валуном, падает спереди. Бойцы же, кто посмелее, успевают оттолкнуть от себя германские противопехотки, другие просто закрывает головы руками, распластавшись на земле…

Взрыв «колотушки» мы с Красиковым переживаем за каменным укрытием, надежно защитившим нас от осколков и фугасного действия гранаты. Хотя по ушам ударило знатно! Их словно ватой заложило, и писк такой противный внут-

ри… Ошалело покрутив головой, я высунулся за валун и тут же отчаянно закричал:

– Гранаты!

Фрицы бросились вперёд в момент взрыва своих противопехоток, а расчеты Ковалева и Петренко пропустили момент, когда атаку нужно было гасить длинными, пусть и рассеивающимися очередями. Их самих прижали так, что головы не поднять. Да и с броском «лимонок» мы опоздали, конкретно так опоздали… Приходится рисковать.

Усики чеки гранаты разжимаются одним выверенным движением в полсекунды, тут же выдергиваю её за кольцо, отпустив рычаг. Ненадежный и нестабильный запал Ковешникова начинает гореть, а время его горения во многом зависит от температуры окружающей среды, он может рвануть раньше положенных четырёх секунд… Но все же я держу «феньку» в руке, отчаянно проговорив про себя: «двадцать два, двадцать два», и только после этого «лимонка» летит к бегущим фрицам, приблизившимся уже метров на двенадцать…

Граната взрывается в воздухе над головами солдат врага, дав эффект шрапнели. Человек пять в передовой группе падают точно, остальные невольно прижимаются к земле. Эх, мне бы сейчас ещё одну «лимонку» или тот же ППШ, я бы их так огнём к земле прижал! Но ни того, ни другого у меня нет… Зато впереди противника взрывается одна, затем другая граната, брошенные уцелевшими бойцами отделения.

Они срезают осколками попытавшихся было рвануть вперед немцев, а с флангов по головной группе наконец-то открывают огонь расчеты Ковалева и Петренко. Молчит только «дегтярев» Лехи Сергеева, нехорошо молчит, неспроста… А ведь его огня сейчас как раз и не хватает, чтобы окончательно опрокинуть германцев.

Тэтэшник выхватываю из кобуры на бегу, на бегу же снимаю курок с предохранительного взвода и так же на бегу, не целясь, успеваю трижды выстрелить. Ещё одна отчаянная попытка прижать врага к земле – хоть на секунду, хоть на полсекунды… И тут же я прыгаю к лежке расчёта, преодолев разделяющие нас метры буквально за считанные секунды.

Младший сержант Сергеев мёртв, об этом наглядно свидетельствует лужа крови у пробитого виска молодого русоволосого парня. Его второй номер, ефрейтор Владимир Карпов, отчаянно пытается закрыть индивидуальным пакетом рваную рану на правой руке, оставленную крупным осколком «колотушки». Алая кровь бьёт из неё мощными толчками, и закрыть её не получается, тут нужен тугой жгут. Однако сейчас я просто не могу помочь бойцу – прорвутся фрицы, ляжем в землю все. Гарантированно.

Плюхаюсь в лужу крови погибшего пулемётчика – сейчас не время для брезгливости. Главное – пулемёт. Цел ли? Внешних повреждений на ручном «дегтяреве» не замечаю и, крепко уперев приклад в плечо, ловлю в прорезь секторного прицела вновь вскочивших и побежавших вперёд фрицев.

Жму на спуск.

«Дегтярев» оживает длинной, захлебывающейся очередью в полдиска, забившись в руках, словно живой. Отдача больно отдаёт в плечо, но я терплю, сцепив зубы, пока не кончаются патроны.

– Диск!

Карпов слышит меня; бледный от потери крови ефрейтор трясущимися руками подаёт мне снаряженный ещё до ранения диск. Я мельком отмечаю критичное состояние бойца, но помочь ему по-прежнему не могу.

– Терпи, Володя, терпи! Сейчас отобьем фрицев, жгут наложим!

Боец серьёзно кивает, а я вновь открываю огонь, в три уже более экономные очереди свалив двух врагов. А в следующую секунду фрицы, залегшие всего в семи метрах от нас, подрываются вперёд уже всей массой. В меня стреляют сразу несколько человек, одна пуля прошивает плоть под левой ключицей, от боли темнеет в глазах… Но, удержавшись на краю забытья, я все же зажимаю спусковой крючок.

«Дегтярев» в считанные секунды высаживает практически весь диск, пока его не заклинило. И в этот миг я окончательно отрубаюсь, напоследок отметив, что кинжальный огонь пулемёта все же заставил противника залечь, свалив то ли трех, то ли четырёх немцев…

Глава 1

– Тебе что-нибудь известно о Крымском фронте и операции «Охота на дроф»? – Александр задаёт вопрос, одновременно протянув мне кружку горячего, но не обжигающего кофе, сваренного в турке, сладкого, с карамелью и молоком.

Все так… основательно у него. И одновременно со вкусом. Речь идёт не только о напитке, но и о красивом деревянном доме, о разбитом во дворе садике с фруктовыми деревьями и декоративном пруде с каменным гротом, о подобранной в тёмных, но не мрачных тонах кухне, находясь в которой, ощущаешь какой-то особенный мягкий уют… И, к слову, мебель у бывшего главы отдела разработки виртуальной реальности сделана из цельного дерева. Неплохо так Саша зарабатывал в игровом холдинге, очень даже неплохо…

Приняв кружку и благодарно кивнув хозяину, я неопределённо пожал плечами.

– Я в последнее время много читал о Великой Отечественной войне, но пока все больше за 1941 год. Но в общих чертах знаю, что во время контрнаступления под Москвой наши попытались деблокировать и Севастополь, высадив в Крыму крупный десант. Поначалу советским войскам сопутствовал успех, но командование упустило возможность окончательно разгромить немцев, отрезав их от тыловых баз. Потом части РККА уперлись в хорошо подготовленную немец-

кую оборону. Весной бестолково пытались задавить немцев числом, не преуспели, а потом германцы сами ударили так, что Крымский фронт посыпался за считанные дни. Причём у врага было гораздо меньше людей, вроде бы втрое…

Я осекся, видя, как страдальчески, словно от зубной боли, скривился Александр. Ну а заодно, воспользовавшись возникшей паузой, я с удовольствием отхлебнул карамельного кофе. М-м-м, как же вкусно…

Между тем Саша, также глотнув кофейку, не разочаровал моих ожиданий и принялся активно меня просвещать:

– После начала десанта в Керчи и до момента занятия Феодосии первоначальный состав советского десанта был выбит едва ли не на половину, а переброска техники, боеприпасов, подкрепления осуществлялась морем, позже – по льду, под ударами вражеской авиации. Обстоятельства для развития первоначального успеха были благоприятными, а вот сил продолжить победное наступление уже действительно не хватило. Что же касается «Охоты на дроф»… Сегодня отчего-то бытует необоснованное мнение, что одиннадцатая армия Манштейна, насчитывающая всего восемьдесят тысяч человек, сумела без труда разбить Крымский фронт, который на момент германского удара состоял из двухсот пятидесяти тысяч бойцов и командиров РККА. Между тем, сохранились документы о котловом довольствии, выделяемом на одиннадцатую армию вермахта перед началом операции: двести тридцать две тысячи пятьсот сорок девять солдат и

офицеров в армейских частях, двадцать четыре тысячи военнослужащих персонала люфтваффе, две тысячи флотских и девяносто пять тысяч румынских солдат, которые, кстати, держали свой участок фронта. То есть под триста пятьдесят тысяч солдат и офицеров противника, из которых три четверти сам Манштейн как-то не учёл в мемуарах…

Сделав ещё один глоток, мой собеседник продолжил:

– Видимо, восемьдесят тысяч насчитывала именно ударная группировка. Кроме того, к моменту наступления немецкое командование значительно усилило бронетанковый кулак Манштейна. Так, в его распоряжении находилась 22-я танковая дивизия, получившая взамен выбитых в предыдущих боях новые, модернизированные танки: двадцать «панцеров» Т-3 и двенадцать Т-4 с удлинёнными орудиями и усиленной бронёй. Если весь 1941-й и начало 1942 года советским танкам Т-34 и КВ не было равного противника среди германской бронетехники, то модернизированные «тройки» и «четвёрки» были крайне опасным противником для «тридцатьчетверок» и как минимум равным для КВ. Но броню «Клима Ворошилова» более чем за километр прошивали снаряды новых, поступивших в пехотные дивизии штурмовых орудий «мардер». Ну, то есть самоходок. Ими же вооружили дивизионы истребителей танков, в частности 140-й противотанковый дивизион при 22-й танковой дивизии. Делали их на шасси трофейной французской и чешской бронетехники, монтируя в рубку мощное противотанковое

орудие калибра 75 миллиметров Pak 40 или переделанную в противотанковую советскую дивизионную пушку Ф-22 калибра 76 миллиметров, Pak 36. Так вот, в 28-й лёгкой пехотной дивизии вермахта на вооружении находилось шесть «мардеров» и пятнадцать «штуг». Последние на тот момент были ещё короткоствольными и не обладали значительной мощью, но зато имели удачные малые размеры, что позволяло им легко маскироваться, и были хорошо бронированы, причём с рациональным углом наклона броневых листов. Для наших лёгких Т-26 и Т-60 смертельно опасный противник, а в засадах – и для средних танков. 28-я лёгкая пехотная дивизия, опрокинув 8 мая 63-ю советскую горнострелковую, вступила в бой с контр атакующими по отдельности 39-й, а затем и 56-й танковыми бригадами 44-й армии, в полосе которой и наносился главный удар Манштейна. В бою с 56-й танковой бригадой штурмовые орудия врага выбили все семь танков КВ и ещё десять лёгких танков бригады, а в более ранней схватке с 39-й – оба ее КВ и пять Т-60. Единственная «тридцатьчетверка» из состава танковой бригады получила повреждения и не могла продолжить бой. Наиболее сильный, 126-й отдельный танковый батальон – пятьдесят лёгких танков Т-26 – бросили в контратаку на углубившуюся в советскую оборону пехоту врага. Но Т-26 давно устарели и более или менее эффективно воевали лишь в танковых засадах или в обороне, зарытые в землю, и немцы отразили контрудар – у них хватало и лёгких противотанковых пушек, и бронебой-

ных ружей.

После короткой паузы Александр продолжил:

– Таким образом, в первый же день боев немцы, прорвав советский фронт в полосе 44-й армии, выбили и ударную силу её танковой бригады. А на следующий день ввели в сражение 22-ю танковую дивизию, причём атаковали по направлению на север, ударив по тылам соседних, 47-й и 51-й армий РККА. И хотя те пытались контратаковать, бросая в бой танковые бригады, выходило так, что они вступали в бой не единым, мощным бронированным кулаком, а поочерёдно. Поочерёдно и гибли… На восток же рванула специально сформированная Манштейном механизированная «группа Гроддека». Это разведбат на бронеавтомобилях и мотоциклах, пехотный батальон на грузовых машинах и бронетранспортерах, выступающих также в качестве тягачей для артиллерии, батальон самоходок, рота диверсантов «Бранденбурга» и полк румынской механизированной кавалерии рошиоров. Плюс части необходимой поддержки: сапёры, зенитчики, батарея реактивных миномётов. Очень сильная тактическая группа, сверхнасыщенная средствами усиления. Так вот, «группа Гроддека» стремительно рванула на восток, к Керчи, где командование Крымского фронта пыталось построить дополнительный рубеж обороны из резервных частей на Турецком валу. Он же вал Татарский, он же Киммерийский. Но подразделение полковника Гроддека с ходу прошибло слабую советскую оборону, растянутую по валу и

фактически ещё не готовую к серьёзному бою. В итоге план Манштейна сработал идеально: прорвав фронт на рубеже 63-й горнострелковой дивизии 44-й армии, он одновременно отрезал пути отступления остальных армий и занял единственный естественный оборонительный рубеж в их тылу. Далее оставалось только громить оставшихся без боеприпасов окруженцев, подавляя их артиллерией, авиацией, танками. Потому и такие большие потери…

Устало потерев виски и чуть переведя дух, собеседник продолжил:

– Манштейн придавал огромное значение успешному прорыву советских позиций на рубеже 63-й горнострелковой дивизии. Потому помимо штурмовых орудий 28-й легкопехотной дивизии была также выделена отдельная 223-я рота трофейных танков «Крым». В ней было как минимум шестнадцать лёгких и два средних французских танка, это «Гочкис» H38 и «Сомуа» S35. Для КВ не соперник, лёгким танкам – ещё какой! Но главное – для того, чтобы сбить пехоту с позиций, хватило бы и их мощи. А в общей сложности у 28-й легкопехотной дивизии 11-й армии было тридцать девять танков и самоходок. И наносила она свой удар после мощнейшей артподготовки немецких РСЗО и гаубичной артиллерии.

Я, только на днях вычитавший, что РСЗО – это реактивная система залпового огня и что у немцев это, прежде всего, реактивный шестиствольный миномёт «Nebelwerfer», важно

кивнул. Про крупнокалиберную гаубичную артиллерию, метающую с закрытых позиций снаряды калибра от 105 миллиметров и выше, я прочёл значительно раньше, когда всерьёз заинтересовался, чем же нас таким крепким долбали на третьей заставе…

– Так вот, в реальной истории немцы провели мощнейшую артподготовку, после чего инженерные части начали наводить переправы через противотанковый ров у ак-монайской позиции. Советская артиллерия вела ответный огонь с первых же минут немецкого наступления. В частности, на рубеже обороны 63-й горнострелковой дивизии это её собственные противотанковые и дивизионные орудия, пушки выведенной в тыл 404-й стрелковой дивизии, 53-й артиллерийский полк резерва главного командования. Звучит весьма внушительно, верно?

Я согласно кивнул, после чего собеседник продолжил:

– Вот только собственная противотанковая артиллерия 63-й горнострелковой дивизии на 8 мая – это четыре «сорокапятки» вместо пяти десяти четырех, положенных по штату, и четыре дивизионных орудия вместо шестнадцати. Ситуацию несколько выправляли пушки 404-й стрелковой дивизии: шесть «сорокапяток», пятнадцать дивизионных орудий – практически штат! – да ещё семь «полковушек». Из восемнадцати. В любом случае, это не так и мало, но!.. За исключением гаубиц, вся артиллерия находилась на переднем крае. И попала под мощнейший налёт РСЗО немцев, а также

их тяжёлых орудий. Во время наведения германцами переправ через противотанковый ров она вела активную контрбатарейную борьбу и пыталась помешать саперам. Нацисты же, в свою очередь, выбивали обозначившие себя орудия, а чтобы помешать огню советской гаубичной артиллерии, слепили наши наблюдательные пункты постановкой дымовых завес. Плюс вели огонь разрывными снарядами по площадям…

Вежливо покивав и сделав пару глотков сказочно вкусного напитка, я все же не сдержался:

– Информация очень интересная, но! Чем она мне сейчас поможет? Крымский фронт… Он падёт так или иначе. А мне нужно в Сталинград! Спасать Ольку!

Саша невесело хмыкнул:

– Молодой человек, а как вы думаете попасть *хотя бы* на Большую землю? Рома, ваш персонаж сейчас – это командир взвода НКВД в 63-й горнострелковой дивизии. Всё, что сумел сделать я с игровыми поднастройками, это добиться твоего повышения в звании и должности. Загрузишься ты в конце апреля. До немецкого удара останется дней десять-двенадцать, не больше. И если все пройдёт так, как прошло в реальной истории, шансы на твоё спасение и на то, что ты доберёшься до Сталинграда, стремятся к нулю. А о дезертирстве не может быть даже и речи! Даже если сумеешь уйти от своих, тебе просто не на чем будет переплыть Керченский пролив. В конечном итоге обязательно поймают и шлепнут

– или как дезертира, или как диверсанта.

Я не стал спорить, но задал напрашивающийся, самый очевидный вопрос:

– А что могу сделать я? Чем может помешать немцам один-единственный командир взвода?

Александр очень выразительно посмотрел мне в глаза, и впервые я увидел в его взгляде такую страстную увлеченность:

– Восьмого мая 1942 года все могло пойти по другому сценарию. Если бы дивизию отвели с разведанных и заранее пристрелянных немцами позиций, если бы она сохранила в начале боя большую часть артиллерии, которую можно использовать против танков, то результат сражения с бронетехникой 28-й легкопехотной дивизии мог бы быть иным. Дивизионные орудия Ф-22 и УСВ могли сжечь «мардеры» за километр и даже больше, да и «штуги» примерно на километровой дистанции. Лёгкие же трофейные танки были бы прекрасной мишенью для противотанковых пушек, им и бронебойные снаряды лёгких «полковушек» ещё как опасны! И в этом случае прорыв за противотанковый ров ничего бы не дал фрицам, чтобы сбить 63-ю, им пришлось бы бросить на её позицию авиацию, вновь провести артподготовку, ввести в бой уже танковую дивизию… Между тем это время, потерянное немцами время, которое командование фронта могло бы использовать для отражения вражеского удара. К примеру, стянуть к ак-монайской позиции всю бронетехни-

ку, имеющуюся в распоряжении 44-й армии, и контратаковать не вразнобой, отдельными ротами и танковыми бригадами, а более мощным кулаком, введя его в бой с 22-й танковой дивизией вермахта. Конечно, в идеале их бы вообще в землю закопать… Но даже если ударить всей массой двух бригад и двух отдельных батальонов, таковое сражение получилось бы пусть не равным, однако тяжелым – я имею в виду, прежде всего для немцев. Ведь для них это будут уже неизбежные потери машин, потеря времени для 11-й армии, которое советское командование могло бы использовать для переброски резервов к югу Парпакчакского перешейка. Резервы для формирования нового рубежа обороны были, имелись и отдельные полки резерва главного командования из дивизионных орудий УСВ. В конце концов, 9 мая во второй половине дня в районе боевых действий начался сильный дождь, дороги раскисли, подвозка боеприпасов и движение техники были затруднены. Удержись до этого срока советские войска на оборонительном рубеже, и все – победы Манштейна бы не случилось!

– Хорошо. Но что это даст конкретно мне? Ну, кроме того, что дивизия и фронт, возможно, выстоят под немецким ударом? Мясорубка там будет нехилая, судя по вашему же рассказу. И как я окажусь в Сталинграде, если 63-я дивизия удержит позиции?

Саша улыбнулся – искренне так, радушно.

– Вот смотри: в конце месяца случится катастрофа под

Харьковом, начнётся последнее масштабное наступление немцев на Сталинград и Кавказ. Бои на Дону будут крайне напряжёнными, и, учитывая огромные людские потери и потери техники, советское руководство наверняка решится на вывод частей из Крыма и переброску их в район боевых действий в донских, кубанских и волжских степях. Далее ты уже сам найдёшь способ добраться до Сталинграда и встретиться с Ольгой.

Я машинально кивнул в ответ на слова собеседника, хотя на деле воплощение его плана представлялось мне невыполнимой задачей. О чем я и заявил после небольшой паузы:

– Однако повторю свой вопрос. Как я, всего лишь командир взвода НКВД, смогу отвести целую дивизию с занимаемых ею позиций на запасные? Как я на своём уровне смогу реализовать этот план?!

Хитро ухмыльнувшись, Александр ответил:

– А вот это уже отдельная тема для разговора…

Оля едва дышит, её грудь лишь чуть-чуть приподнимается во время вдохов; выглядит девушка значительно хуже, чем на фото. Слишком худая, слишком бледная, слишком… Безжизненная. Чтобы спасти её в игре, я готов был рискнуть жизнью, чтобы спасти её настоящую… Я готов рисковать снова и снова, пока не добьюсь результата. А я его обязательно добьюсь!

Замерший рядом Коваленко – оказывается, именно такая

фамилия у Саши – заметно волнуется.

– Я учёл предыдущие недоработки, сейчас обе капсулы работают с бесперебойниками, а на случай длительного обесточивания в подвале настроен дизель-генератор. Что касается твоего персонажа, Рома, я прокачал его просто по максимуму. На самом деле в игровых поднастройках «Великой Отечественной» ещё на стадии разработки закладывалась система развития скрытых уровней. В прошлый раз ты вырос с уровня «новичок» до уровня «боец», получив навыки «опытный стрелок» и «опытный гренадер» – это о метании гранат. Однако твой персонаж подсобрал опыта за последнее время, так что сейчас… Ну-ка, ну-ка…

Александр немного повозился со своим планшетом, после чего показал мне страницу моего «профиля», и я принялся жадно читать:

Уровень персонажа: ветеран.

Профильное развитие 1: боец ОСНАЗ.

Профильное развитие 2: командир взвода НКВД.

Навыки 1-го профиля:

Сапёр. Уровень «новичок». Доступно разминирование простейших противопехотных мин, закладка противопехотных мин и растяжек.

Стрелок. Уровень «ветеран». Доступна точная стрельба из карабинов, винтовок, пистолетов, револьверов, пистолетов-пулемётов отечественных и трофейных систем.

Рукопашная подготовка. Уровень «боец». Обучен навыкам рукопашного боя по системе самозащиты Спиридонова, ножевому бою.

Гренадер. Уровень «ветеран». Доступно точное метание любых отечественных и трофейных гранат, а также бросок гранат с задержкой во времени – «подвешивание в воздухе».

Специальный навык 1-го профиля:

Снайпер. Уровень «боец». Доступна точная стрельба из отечественных и трофейных снайперских винтовок, умение обустраивать лежки и вести многочасовую снайперскую охоту.

Переводчик. Уровень «боец». Знание разговорного немецкого языка.

Навыки 2-го профиля:

Командир. Уровень «новичок». Доступны знания о тактических построениях и схемах огня «взвод в обороне», «взвод в наступлении», «взвод в засаде».

Пулемётчик. Уровень «боец». Доступна точная стрельба из отечественных ручных и станковых, а также трофейных пулемётов, тактика действий пулеметчика в условиях обороны и наступления.

Рукопашная подготовка. Уровень «ветеран». Доступны абсолютные навыки штыкового боя и владение саперной лопаткой.

Специальный навык 2-го профиля:

Артиллерист. Уровень «новичок». Доступны навыки стрельбы из противотанковых («сорокапяток») и полковых («полковушек») орудий, а также отечественных ротных (50 мм) и батальонных (82 мм) миномётов. Особый навык – бронебойщик. Владение отечественными системами противотанковые ружей – ПТРС и ПТРД.

Специальная возможность: «дар убеждения». На 50 процентов увеличивает вероятность, что любой из военнослужащих РККА и НКВД, а также военнопленных согласится с предложениями персонажа или поверит его словам.

Я не сумел удержать радостного и одновременно удивлённого восклицания:

– Вот это да! Да я просто Рэмбо в его лучшей форме! Саш, а регенерации там или супер-сил мне, случаем, никак нельзя выбить?!

Несмотря на то что вопрос был задан в шутливой форме, Коваленко ответил вполне серьезно:

– Все твои физические показатели, как то: скорость, ловкость, выносливость, сила, болевой порог – выросли вдвое по отношению к твоей первой загрузке. Ты будешь находиться в форме отлично подготовленного диверсанта, не меньше, но и не больше. Что же касается регенерации…

Тут Александр вновь что-то пощелкал в планшете, после чего произнес:

– В твою форму будет вшит скрытный контейнер-тубус с

пятью таблетками пенициллина. В реальности препарат уже был изобретён британскими биологами в 1942-м, но его массовое производство начнётся только через год, а в СССР он попадет через два года. Однако эта технология открыта, и потому у тебя будет пять таблеток. Пять. Они ускорят заживление ран, а главное – избавят от инфицирования областей поражения. Таблетки могут помочь только тебе или Ольге, потому даже не пытайся лечить им игровых персонажей! Ну и старайся не подставляться в бою. Увы, мы не можем рисковать игровым интерфейсом, функционал выхода из игры или сохранения я блокирую изначально. В противном случае попытка сохраниться или прервать игровой процесс может привести к сбою в синхронизации ваших с Олей капсул.

Я невольно бросил короткий взгляд на опутанную проводами девушку, пока собеседник продолжал меня просвещать:

– Если ты погибнешь, игра просто выплюнет тебя в твоё тело, не более, так что угрозе твоей жизни и здоровью нет. Но вот войти обратно ты уже не сможешь. Потому умирать нельзя ни при каких обстоятельствах, Рома. Это понятно?!

– Сэр, да сэр!!!

Попытка схохмить, закосив под американских военнослужащих, результата не имела. Требовательно на меня посмотрев, Саша строго спросил:

– Что с родителями? Проблем не будет?

Я коротко пожал плечами.

– Маме я сказал, что ухожу утром в поход с новыми друзьями, что-то типа сплава на байдарках, потому меня не будет в зоне доступа как минимум две недели. Она, конечно, распсиховалась, но в последнее время мне удаётся донести до неё свои решения. Так что надеюсь, проблем действительно не будет. Но в крайнем случае… – Тут уже я внимательно посмотрел в глаза Коваленко. – У вас есть её номер. Отзвонитесь ей и расскажете всю правду, покажете капсулы в конце концов. Да я, пожалуй, запишу для неё видео, где вкратце все расскажу. Как думаешь, док, двух недель хватит?

Моё обращение, невольно сорвавшееся с губ, неожиданно польстило Александру, не сдержавшему невольной улыбки:

– Если ты про нахождение в капсуле, то тебе будут делаться своевременные инсулиновые инъекции. Хотя первое время после пробуждения будет сложновато ходить. Но…

Неожиданно хриплым голосом я прервал дока:

– Я про Ольгу.

Собеседник замолчал, просто смотря на меня секунд двадцать. Потом он устало снял очки, потёр переносицу и лишь затем тихо произнес:

– Четыре с половиной месяца, Рома. Четыре с половиной месяца… Времени хватит, но считай, что точка невозврата – это 23 августа 1942 года.

Именно в это день Ольга, скорее всего, погибнет, если ты не успеешь вытащить её раньше.

У меня аж холодок по спине пробежал:

– Почему?!

Саша тяжело вздохнул:

– Двадцать третьего августа город уничтожит массированная бомбардировка немцев. В авианалете примут участие сотни бомбардировщиков 4-го воздушного флота. Они сделают под две тысячи самолетовылетов и скинут на город тысячи фугасных и зажигательных бомб. В городе начнётся сумасшедший, просто адский пожар с огненными вихрями, а температура в его эпицентре достигнет тысячи градусов. Из примерно четырехсот тысяч жителей, находящихся на момент начала бомбардировки в городе, погибнет девяносто тысяч человек, ещё пятьдесят тысяч получат ранения. А учитывая характер Ольги, её преданность делу и готовность идти до конца, то… Я боюсь, она пожертвует собой, чтобы спасти раненых… Вот, возьми.

– Что это?!

Док протянул мне небольшую карточку – как оказалось, с обоими фото Мещеряковой. Пока Мещеряковой!

– Это будет прикреплено к твоему военнику. Последний аргумент в попытке убедить Олю вернуться.

– Теперь ясно…

– Ну что, лейтенант Самсонов, готов?!

Преувеличенно бодрый тон собеседника вызывает у меня лёгкую улыбку.

– Всегда готов!

…И вот я снова лежу на эргономичном ложе капсулы, так

же, как и Оля, опутанный проводами. Сознание уже погружается в лёгкое забытье, а в голове звучит таймер обратного отсчёта перед загрузкой виртуальной реальности:

3… 2… 1.

Глава 2

8 мая 1942 года.
Декретное время: 7 часов 18 минут.
Скаты горы Ас-Чалуле

Сорвав крышку крохотного цилиндрического тубуса с таблетками пенициллина, закидываю первую же в рот. Фу, блин, гадость! Жадно запиваю ее водой из фляги, после чего берусь за индивидуальный пакет и надрываю его оболочку зубами. Больно-то как… Горячо. Будто жжется изнутри. И место ранения неудачное, под ключицей.

Достав бумажный сверток, вскрываю и его. Разворачиваю скатку бинта и тут же прижимаю один из ватно-марлевых тампонов – который неподвижный – к входному отверстию раны, стараясь не касаться при этом внутренней стороны стерильной подушечки. Браться за нее можно только со стороны, помеченной цветными нитками. Второй тампон – подвижный – смещаю на выходное отверстие и туго бинтую оба, скрепляя узел бинта безопасной булавкой из набора индивидуального пакета. Ну, все вроде, кровью изойти не должен…

– Осмотреть тела! С собой забираем все исправные пулеметы, оставшиеся гранаты, и посмотрите их пайки. Там может быть шоколад, его раненым оставьте…

Шоколад способствует выработке новой крови. Где-то слышал, а где – не помню. По крайней мере точно знаю, что после сдачи крови донорам рекомендовалось съесть шоколад… Устало ложусь на камни, следя за тем, как ходят между телами немцев, густо усеявшими пляж, мои бойцы.

– С ФОГами аккуратнее! Не зацепите!

Отбили мы атаку противника. Отбили, несмотря ни на что. Хотя, вернее сказать, вопреки, а самолюбие все же немножко тешит мысль, что последний рывок врага погасил именно я… Но, мазнув взглядом по распластавшемуся рядом с товарищем Володе Карпову, в буквальном смысле смертельно бледному, я лишь горько вздохнул: нет, фрицев остановил не только я. И парень, протянув мне набитый диск, вложил остаток жизни в это единственное усилие – скорее всего, на пределе физических возможностей обескровленного организма. Помочь ему я уже не смог, отрубившись сам… А когда Славка Красиков привел меня в чувство, было поздно.

Но атаку мы отбили. Как видно, я ошибся с оценкой вражеской установки «только вперед»…

Немцам не хватило добежать до нас считанных метров. Но даже смяв и перебив остатки третьего отделения, им пришлось бы еще разбираться с бойцами первого и второго, а после штурмовать дот… И все с потерями, которые и так уже были велики. А моя очередь в упор, скосившая оставшихся храбрецов, как видно, стала последней каплей, что сломила

их наступательный порыв. После враг уже не пытался атаковать, а в беспорядке отступил к берегу, откуда эвакуировался уже всего лишь на пяти катерах. Причем ещё два при отходе потопили пулеметчики и артиллеристы дота.

Как я и обещал, «Омаха-бич» крымского разлива. Вернее сказать даже – керченского. Или феодосийского… Не суть. Главное – пока все идет по плану.

Позволив себе секундную слабость, я целиком распластался на камнях, разлегшись с максимальным для себя удобством. И тут же в памяти всплыл эпизод, когда я так же лежал на земле – причем долго лежал, несколько часов кряду. А всему предшествовал мой первый разговор с начальником особого отдела дивизии…

2 мая 1942 года.
Декретное время: 8 часов 3 минуты.
Штаб 63-й горнострелковой дивизии

– Товарищ капитан, разрешите войти?

Капитан госбезопасности с ног до головы смерил меня внимательным, жестким взглядом серых водянистых глаз, причем на лице его не дрогнул ни один мускул.

– Заходите.

Я аккуратно прикрыл сбитую из снарядных ящиков дверь в блиндаж и послушно сделал три шага вперед, замерев посередине помещения и практически поедая начальство глазами с «видом лихим и придурковатым, дабы не смущать его

своим разумением». Впрочем, капитан не оценил моих действий, сев за стол и отпив чая из простой алюминиевой кружки. Рядом с ней я заметил ржаной сухарь. Начальник особого отдела открыл какой-то документ, углубившись в чтение и не обращая на меня совершенно никакого внимания. Но когда я уже начал ерзать, не в силах больше молчать, раздалось негромкое:

– С чем пришел, лейтенант? В отпуск захотел?

Вначале меня едва не током пробило от этих слов: а вдруг действительно отпустят на отдых, и я смогу отправиться в Сталинград к Ольке? Но тут же до меня дошло, что это всего лишь шутка командира, точнее сарказм, озвученный даже без намека на улыбку.

– Нет, товарищ капитан. Прошу разрешить добыть языка.

Глава местного НКВД даже взгляда не поднял от стола.

– А зачем нам язык?

Вопрос поставил меня в тупик, но я тут же нашелся с ответом:

– Как зачем, товарищ капитан? Чтобы получить информацию о приготовлениях противника, о…

– Нет.

Сказал, зараза, как отрезал. И где тут мой дар убеждения, где специальные возможности, я вас спрашиваю?!

– Да как же нет, это ведь…

Мой непосредственный начальник впервые за время разговора поднял на меня глаза:

– Самсонов, занимайтесь взводом. Одиннадцать дней назад ваш предшественник допустил грубейшее ЧП. Боец его взвода Тодаев расстрелял из трофейного немецкого автомата уполномоченного особого отдела по 251-му полку Иванова, командира полка майора Дубинина, его адъютанта Шоманидзе, а после пытался с боем прорваться на немецкую сторону. Это как понимать?!

Впервые ледяное спокойствие изменило капитану, и продолжил он уже горячее:

– Только за 21 и 22 апреля из одного лишь 346-го полка дезертировало семнадцать человек. Семнадцать, Самсонов, *ты* это понимаешь?! У нас бойцы в командиров стреляют, лейтенанта Пятибратова из взвода управления артиллерией убили! Свои убили!!! Ты знаешь, как тут меня за все это натягивал член военсовета армии?!

Переждав бурю с выражением предельного сочувствия, я все же заметил:

– Товарищ капитан, это все, конечно, ужасно. И ЧП с Тодаевым, и «дружественный огонь», и дезертиры… Но я вам скажу так: у меня еще с пограничной службы чуйка, перед 22 июня она в голос кричала об опасности. Сейчас она так же кричит. Если немцы ударят крепко, все последние происшествия померкнут… Мертвым ведь все равно будет.

Взгляд начальника стал будто еще тяжелее.

– Самсонов, ты командир взвода НКВД, а не разведбата дивизии. Вот пусть комдив дает своим орлам указания о до-

быче языков, я, так и быть, этому поспособствую. А ты занимайся боевой подготовкой во взводе и работой с личным составом. Чтобы еще одного Тодаева не пропустили! И чтобы больше пораженческих разговоров я от тебя не слышал! Все, можешь идти.

Однако я не сдвинулся с места.

– Товарищ капитан, отпустите меня с разведкой. Не возьму языка – можете меня хоть в рядовые разжаловать, хоть что делайте. Но я клянусь вам: кричит чуйка об опасности!

Глава особого отдела уже был готов разразиться гневной отповедью, но прежде чем очередные слова сорвались с его губ, я успел поймать его взгляд. Несколько секунд мы молча смотрели друг другу в глаза, пока особист неожиданно не откинулся назад и уже гораздо спокойнее бросил:

– Да шут с тобой, лейтенант. Иди за языком, раз так хочется под пули залезть. Но людей из взвода брать не разрешаю. А в разведбате договаривайся обо всем сам!

– Так точно, товарищ капитан! Разрешите идти?

Командир только тяжело вздохнул.

– Иди.

Кажется, я понял, как работает специальный навык «дар убеждения»…

…Обстановка в разведбате вначале показалась мне какой-то апатичной. Отдыхающие бойцы при виде меня даже не попытались изобразить хоть какое-то приветствие, провожая лишь тусклыми, равнодушными взглядами. Меня это

зацепило, хотя раньше мне было бы абсолютно фиолетово, что красноармейцы не выказывают внимания появившемуся в расположении командиру. Но, видимо, заработали игровые поднастройки, иначе как объяснить тот факт, что мне до зубного скрежета захотелось построить воинов и как следует их разнести?!

Впрочем, сотни полторы, от силы две разведчиков при капитане комбате – это как бы и не тянет на полноценный батальон. Кое-как успокоив себя мыслями о высоких потерях и постоянном риске бойцов, связанном с особенностями службы, я проглотил горькую пилюлю явного игнора, после чего постарался как можно скорее найти командира.

И нашел. И что приятно, не отдыхающего где-то на топчане в штабном блиндаже, а на занятиях с личным составом по рукопашному бою. Конкретно при моем появлении он отрабатывал защиту от атаки с холодным оружием сверху: поочередно два бойца пытались нанести удар по нисходящей: один держал в руках саперную лопатку, другой – зажатый обратным хватом нож. Техника самообороны капитана заключалась в шаге вперед с одновременным блоком предплечья левой, которым он встречал вооруженную руку спарринг-партнера в районе запястья. Далее следовал захват уже правой с одновременным подшагом и подворотом к противнику – и тут же скоростной бросок через бедро с фиксацией вооруженной руки и последующим болевым приемом. Комбат одновременно надавливал коленом на локоть и скручи-

вал кисть, демонстрируя технику примерно двум десяткам рассевшихся вокруг бойцов. Выглядело все довольно впечатляюще и технично, так что я не удержался от высказанного вслух одобрения:

– Красиво работаете, товарищ комбат!

Невысокий, плотно сбитый крепыш – кстати, довольно молодой, всего года на четыре постарше, – капитан Гордеев белозубо улыбнулся мне и несколько театральным жестом пригласил в круг:

– А что, наши доблестные органы не желают попробовать свои силы?

Я с некоторым сомнением пожал плечами, интуитивно поняв, что если желаю рассчитывать на поддержку разведчиков, то должен завоевать их уважение. А способ лучший, чем хороший дружеский спарринг, еще поискать надо.

– Могу и попробовать. Только я все чаще ножом орудую, чем лопаткой. И сверху вниз да обратным хватом бить не стану.

Кстати, мои слова – чистая правда. Штык-ножом действительно довелось поработать в ближнем бою. И не раз…

Кэп вновь белозубо улыбнулся.

– Ножом так ножом. А что думаешь, лейтенант, если и я буду с клинком?

В голосе молодого комбата слышится откровенный вызов. Не наребячился еще, ишь ты… Ну ладно, будь по-твоему.

– Так даже лучше. Но во избежание ранений и возмож-

ных травм предлагаю использовать деревянные муляжи. У вас такие есть?

Капитан согласно кивнул:

– Найдутся.

И действительно, нашлись две очень хорошо выполненные деревянные модели ножа разведчика НР-40.

Приняв свой с благодарным кивком, я тут же занял атакующую позицию с выставленной вперед вооруженной правой рукой и притянутой к себе левой, прикрывающей корпус. Гордеев уже с несколько хищноватой улыбкой встал напротив, зеркально повторив мою стойку. Секунду мы просто стояли друг напротив друга, пока я ждал сигнала о начале учебной схватки, но тут кэп просто бросился вперед, одновременно выстреливая стремительным, резким выпадом.

Будь я на привычных тренировках по хапкидо, подобный рывок пропустил бы однозначно. Но рефлексы «бойца ОСНАЗ» сработали автоматически: я успел резво отпрыгнуть назад и тут же ударил наотмашь по атакующей руке комбата, имитируя режущий удар по внешней стороне кисти. Лезвие «клинка» чувствительно коснулось противника, но капитан и не подумал хитрить, остановившись и показав всем «пораженную» конечность:

– Как я и говорил, недооценка противника и слишком поспешная атака нередко приводят к поражению в схватке.

Бойцы промолчали, хотя в выражении их лиц и читалось некоторое неудовольствие. А вот Гордеев вновь развернулся

ко мне и несколько задумчиво произнес:

– Неплохо, лейтенант, неплохо. – Указав на шрам, тянущийся через левую щеку, добавил: – Давно на фронте? Из пограничников?

– Так точно, товарищ капитан! Да с 22 июня и воюю с переменным успехом.

Комбат усмехнулся:

– Ну, если посейчас жив, значит, успех тебе сопутствовал. Однако же ты меня удивил, удивил… А теперь давай-ка поработаем в полную силу.

Взгляд кэпа вдруг стал холодным, цепким, оценивающим. Перехватив деревянный клинок в левую руку, он стал приближаться, постреливая короткими, режущими кистевыми движениями. Они, кстати, весьма неплохо секут пальцы вооруженной руки соперника в ножевой схватке… Я начал отвечать точно такими же, пугая и держа оппонента на расстоянии – и в какой-то момент он вдруг попятился назад, словно бы оступившись. Или испугавшись. Тогда я сделал шаг вперед, намереваясь уколоть именно его вооруженную кисть, а кэп неожиданно резко схватил правой рукав моей гимнастерки и дернул его вверх и в сторону, при этом стремительно шагнув навстречу. Я попытался среагировать, вновь отступив назад, однако уже на отшаге почувствовал, что деревянное острие макета коснулось брюха с правой стороны. Как раз в районе печени.

Благодушно усмехнувшись – ну как же, восстановлен ста-

тус-кво! – комбат дружески хлопнул меня по плечу, после чего весело спросил:

– Зачем пришел-то, лейтенант? Тебя, кстати, как зовут?

– Рома. Самсонов Роман.

Гордеев в очередной раз белозубо, располагающе улыбнулся и протянул руку:

– Александр. Так с чем пожаловал, Рома?

Я крепко стиснул протянутую для рукопожатия кисть, после чего ответил:

– Нужна группа, человек пять-шесть. Языка взять хочу.

Комбат разом поскучнел.

– Там мин понатыкано с обеих сторон, плюс колючка. А ближе к немецким позициям все пристреляно их пулеметчиками, «люстры» в воздухе висят чуть ли не каждые пять минут. Нет, я людей своих ради чужих орденов класть не буду.

Ну, хотя бы ответил не слишком громко. Вот только взгляд отвел, чеканя каждое слово отказа. Однако положив руку на плечо Гордеева, я горячо зашептал, стараясь поймать его глаза:

– С нашей стороны сделают и разметят проход в минном поле, обещаю. И дальше своей колючки мы не пойдем. Есть информация, – тут я еще сильнее приглушил голос, – что противник сегодня будет резать проволоку. Вроде бы фрицы готовят наступление, и лучшего случая взять их языка нам не представится. Одно дело делаем, комбат! А если врежут крепко, сам понимаешь: и ты со своими орлами, и я со взво-

дом, и прочие – да вся дивизия – здесь останемся, коли с позиций собьют и танки в прорыв бросят.

Секунд двадцать я смотрю глаза в глаза капитана, и после он шумно выдыхает:

– Откуда информация?

Отрицательно покачав головой, отвечаю:

– Не могу сказать. Но информация точная, даже точнейшая.

И действительно, не могу. Ведь в противном случае пришлось бы признаться, что имеющиеся у меня сведения почерпнуты из документальных свидетельств переговоров командующего фронтом и командующего армией, которые пройдут только будущей ночью. Наконец комбат согласно кивает:

– Хорошо, дам людей. Человек семь тебе хватит?

Я только обрадованно киваю головой…

…А по прошествии нескольких часов уже лежу на довольно-таки стылой ночью земле.

В руках моих сжат снайперский вариант винтовки Мосина, взятый на время у наших стрелков (владельцу за «прокат» оружия я пообещал трофейные часы). Причем на стволе винтовки закреплен первый отечественный глушитель «Брамит», что резко повышает наши шансы в случае боестолкновения. Держась метров за сто от колючки, мы с разведчиками расположились компактной группой у самых рядов заграждения, ожидая появления немцев.

Как же выматывает томительное ожидание… Серьезно, для меня безмолвно, бездейственно ждать чего-либо важного будет, пожалуй, самым сложным в жизни. Но вновь срабатывают игровые поднастройки: в реальности я давно бы сломался и не смог неподвижно лежать на холодной земле, периодически осматривая полосу проволочных заграждений сквозь оптический прицел. А сейчас лежу и даже как бы и ничего, терпимо… Благо, что за несколько часов перед выходом ничего не ел и пил по минимуму, и с собой из запаса еды взяты только пара сухарей да малая горсть сахара. В принципе, стандартный снайперский паек на «охоте» – силы подкрепит, и достаточно. Не жирная тушенка, после которой потянет в сон, захочется разом выпить полфляги, а то и до ветру отлучиться. Это все дома, в блиндажах…

– Вон они, на два часа.

Разведчик с биноклем, сержант Михаил Стягов – по совместительству командир приданного мне отделения – указывает на шевелящиеся у ограждения фигурки немцев. Посмотрев в сторону указанного направления – просто представив перед собой циферблат и по часовой стрелке определив, куда смотреть, ничего сложного! – я замечаю смутные, размытые вражеские силуэты у колючки.

– Молоток, Миха, заметил языков! Ну что, командуй своим, подойдем поближе и подождем, пока проберутся сквозь заграждение…

Глава 3

3 мая 1942 года.

Декретное время: 1 час 22 минуты.

Полоса проволочного заграждения у позиций 63-й горно-стрелковой дивизии

Разведчики ползут вперед в лучших традициях казаков-пластунов – быстро и бесшумно, едва привставая над землей. Стараюсь не отставать от них и я, благо, что навыки осназовца предполагают подобные умения. Хотя ползать по-пластунски я научился в далеком прошлом – спасибо занятиям самбо в детстве, где данное упражнение использовалось для разогрева. Вот только одно дело – перемещаться на скорость, на матах – и совсем другое делать то же самое на неровной почве, сквозь которую то и дело проступают камни. Причем когда главное условие твоего движения – максимальная бесшумность и незаметность.

Вся группа успешно добирается до места засады, определенного Михаилом метрах в двадцати пяти от предполагаемой точки выхода немецких диверсантов у самого заграждения, – там нет мин. Дальше только ждать – и я жду, намертво прильнув к оптическому прицелу. Мне кровь из носу нужно выявить вражеского офицера прежде, чем я и остальные разведчики, вооруженные кто наганами с «Брамитом», кто тро-

фейными автоматами, откроем огонь. И остается только молиться, чтобы командир разведгруппы противника был достаточно информирован о планах будущего наступления.

А если нет? Есть, конечно, у меня мыслишка надоумить его назвать известную мне дату и время начала атаки, а также предупредить о морском десанте, вот только поведется ли? Или разведчиков ведет не хотя бы относительно информированный офицер, а какой-нибудь служака унтер, мышление которого не выходит за рамки поставленной боевой задачи?!

Ладно, отбросим сомнения в сторону. Сейчас первоочередная задача – определить командира противника и взять его живым. Все остальное вторично…

Естественно, разведчики противника выходят на задание не в общевойсковой форме, а в камуфляже и маскхалатах без знаков различия. Вполне может быть, что и документы они оставляют дома, ровно по аналогии с советскими пластунами. В этой ситуации командира разведгруппы можно определить только по ведущей социальной роли в подразделении – проще говоря, кого бойцы слушаются, тот и командир. Вооружение, кстати, тоже никак не поможет с выявлением офицера или унтер-офицера – большинство вражеских разведчиков, как, собственно, и мои временные бойцы, вооружены автоматами. Хотя есть некоторые и с карабинами… Плюс еще гранаты, пистолеты, ножи. Н-да, задачка нам выдалась не из легких…

В темноте в оптический прицел видно очень плохо, но

все же в моменты, когда над нашими позициями запускаются осветительные ракеты, я успеваю разглядеть противника. И чем больше он приближается, – полнокровное отделение кстати, десять человек – тем все сильнее, тяжелее бьется мое сердце. И в то же время определить вражеского командира оказалось не столь и сложно – держась чуть в стороне от аккуратно режущих проволоку фрицев, он то и дело поглядывает в бинокль в сторону советского боевого охранения. Последних, кстати, мы заранее предупредили о возможном боестолкновении в зоне их ответственности, так что сюрпризов с «дружеским огнем» быть не должно. По крайней мере, очень на то надеюсь.

Но вот очередная группа немецких диверсантов добралась до последней линии проволочного заграждения. Первая пара бойцов аккуратно доползает до нее, после чего, перевернувшись на спины, синхронно приподнимает проволоку ложами карабинов. Вторая пара, столь же аккуратно подобравшись к камрадам, режет колючку специальными кусачками с длинными ручками, после чего отодвигает вырезанный кусок в сторону. В заграждении появляется проем шириной метра три-четыре – и так на всю его глубину.

Ну что, поползут вперед, попробуют снять несколько мин? Или все же откатятся назад?

Поползли назад…

– Офицер – тот, что слева, четвертый в колонне! Начали!!!

В воздух взмывает осветительная ракета, запущенная Ми-

хаилом, и в ее свете я тут же ловлю в полукрест прицела диверсанта, ползущего рядом с командиром. Выдох… Мягко тяну за спуск.

Сухой щелчок вместо гулкого выстрела – и противник замирает на земле. А рядом раздаются частые щелчки наганов, снаряженных «Брамитом», – бойцы в считанные мгновения выбивают замыкающих группы немецких солдат.

Одним точным движением поднимаю рукоять затвора винтовки и отвожу его назад – из магазина вылетает пустая гильза. Тут же посылаю его вперед, дослав, таким образом, еще один патрон, и опускаю рукоять затвора вправо.

В этот раз моей целью становится сам офицер, уже успевший развернуться в нашу сторону и открывший огонь из автомата короткими очередями. Ловлю в прицел его руку и тяну за спуск на выдохе. Без должной практики и снайперской подготовки такой выстрел вряд ли был бы успешен, но в очередной раз срабатывают поднастройки Александра – пуля попадает в локоть правой руки будущего языка, оборвав его огонь.

– Гранаты!

Михаил командует своим ребяткам – и, мгновенно привстав, два бойца тут же запускают в воздух «колотушки», полетевшие в головы вражеского отделения. Я же, вновь перезарядив винтовку, успеваю выстрелить в немца, также замахнувшегося для броска гранаты. Пуля ударила в грудь противника, опрокинув его на спину. А пару секунд спустя гул-

ко грохнули сразу три взрыва…

Последнюю пару патронов отстреливаю по разведчикам, дернувшимся было на выручку к командиру. Оба в цель. Однако язык неожиданно резво вскакивает на ноги и бежит к уцелевшим своим: или немец понял, что его пытаются взять живым, или умом тронулся от страха и потери крови. Но дать ему уйти я не имею никакого права…

– Вперед! Живым брать!

Вскакиваю сам с одновременным запуском еще одной осветительной ракеты, выхватив из заранее расстегнутой кобуры вороненый ТТ.

Со мной синхронно поднимается группа захвата из двух бойцов с трофейными автоматами. На короткой дистанции забега мы выдаем очень приличную скорость, но на границе прохода, вырезанного в проволочном заграждении, вынуждены залечь: нас встречают три короткие автоматные очереди. Боец, залегший слева от меня, грубо выругался – пуля зацепила руку. А вот второй разведчик двумя точечными, ответными очередями по два, максимум три патрона заставил противника замолчать. И тут в дело вступил я, обратившись на немецком к уцелевшему командиру вражеской разведгруппы:

– Господин офицер, вам нет смысла умирать, сдавайтесь! Я гарантирую вам жизнь, оказание необходимой медицинской помощи, неприкосновенность военнопленного!

Переход на чужую речь произошел автоматически, слов-

но тумблер в голове переключили. Причем язык врага срывается с моих губ столь же естественно, что и родной. Н-да, игровые поднастройки – это действительно вещь…

После короткой паузы в ответ раздается:

– Я не могу сдаться младшему, чем я, по званию!

– А в каком вы звании?

Мне действительно это интересно.

– Обер-лейтенант!

– Хорошо, обер-лейтенант, вы сдадитесь равному вам по званию! А теперь встаньте, поднимите руки так, чтобы мы видели ваши пустые ладони, и идите в нашу сторону.

После короткой паузы вражеский командир действительно поднялся на ноги, но показал только левую руку.

– Правая ранена, не могу выпрямить!

– Хорошо, отведите пустую кисть в сторону, чтобы я увидел пальцы.

Немец послушно показал и правую, немного расслабив меня своим послушанием.

А затем вторая осветительная ракета потухла, и прежде чем в воздух взмыла третья, обер-лейтенант опустил левую руку, несмотря на мои требования. Мгновение спустя в свете очередной трофейной «люстры» я разглядел зажатый в ней вальтер…

– Не стрелять!!!

Поздно. Немец успел дважды нажать на спуск, злобно оскалившись, но обе пули достались бойцу, до того столь

удачно положившему последнего вражеского автоматчика. А в следующий миг раздался отчаянный вскрик:

– Сашка!!

И прогремевшая слева очередь трофейного МП-40 срезала врага…

Со всех ног бегу к офицеру, иррационально надеясь, что противник всего лишь ранен. И он действительно ранен – смертельно. Кровь густо течет сразу сквозь четыре дырки в животе и из раскрытого рта, жадно хватающего воздух.

– Дурак! Мог бы жить!

Немец с видимым трудом ответил, делая короткие паузы между словами:

– В плену… У большевиков… Не выжить…

– Идиот… Это ложь! В отличие от вас, выродков, мы над пленными не издеваемся!

– Не смей меня обманывать, большевик… Скоро ты умрешь… Вы все здесь умрете…

– Даже не надейся, урод! Раздолбали мы вас! И Берлин в сорок пятом взяли!

Но обер-лейтенант – если это действительно его звание – меня уже не слышит. Глаза его неподвижно замерли, глядя в небо, а дыхание прервалось. Сплюнув от досады, я двинулся к замершему у убитого товарища раненому бойцу.

– Знаешь по-немецки?

Разведчик коротко, но очень злобно посмотрел на меня, процедив сквозь сжатые зубы:

– Нет!

После чего развернулся к павшему и тихо запричитал:

– Сашка… Братик… Как же так! Как же так! Из-за немчуры проклятой…

Брат, значит, не товарищ. М-да… Жаль погибшего парня. Но если бы не этот поиск, они бы здесь все в землю легли. А так еще есть шанс…

– Ну что, Самсонов, привел языка в штаб?

Под насмешливым взглядом капитана-особиста я, однако, не теряюсь и невозмутимо отвечаю:

– Нет. Но всю необходимую информацию я у немца получил.

Начальник отдела аж замер и с явным подозрением спросил:

– Это ж какую информацию он сообщил?

Развернувшись лицом к непосредственному командиру, я поймал взглядом его глаза, а после неторопливо, веско заговорил:

– Артиллерийская подготовка немцев начнётся в четыре часа пятнадцать минут утра 8 мая. По нашим позициям. Бить будут всей гаубичной артиллерией 28-й легкопехотной дивизии, также удар нанесут восемь батарей реактивных систем залпового огня. В районе пяти утра начнется высадка морского десанта в нашем тылу. Также немец сказал, что одной только 28-й дивизии переданы около сорока трофейный французских танков и штурмовых орудий, в частности

новых, с очень мощными противотанковыми пушками. А за ними развернулась 22-я танковая дивизия, в ней больше двухсот танков. Причем более четверти – поступившие из Германии новые машины с удлиненными орудиями и усиленной броней. Напоследок немец сказал, что скоро мы все здесь умрем…

Ну, последнее – чистая правда. А вот обо всем остальном я узнал еще до запуска второго в моей жизни «погружения». И хотя особист несколько поплыл после моего «убедительного» взгляда, спросил он все же с недоверием:

– Что, и вот он тебе все успел рассказать?

Я как можно более равнодушно пожал плечами:

– А чему тут удивляться? Он был ранен, плюс болевой шок, очень хотел жить – молодой еще. Я пообещал, что окажу ему всю необходимую медицинскую помощь, но мне нужна информация – когда, где, какими силами… Он поначалу поверил, говорил заискивающе, быстро, а когда стало хуже и понял, что умирает, добавил про новые танки, про самоходки с мощными пушками.

– Так, может, это все бред умирающего?!

– Бред, не бред, товарищ капитан, а проволоку ночью сегодня резали, и не в одном месте.

Особист вновь настороженно насупился и вновь попал в ловушку моего взгляда, успев все же подозрительно произнести:

– А откуда тебе было знать, что к проволоке немцы поле-

зут?

– Так я же говорил, чуйка у меня. Хотели в поиск пойти к фрицам, а тут вдруг понял я, что надобно обождать.

Однако, видя колебания начальника, я добавил после секундной паузы:

– Но, по совести сказать, очко заиграло. Прямо очень страшно стало к немцам лезть, решил обождать да подумать, как лучше поступить. А оно вон как вышло – сами к нам полезли.

Мое признание в собственном страхе подействовало на главу особого отдела успокаивающе. Встав, он протянул мне листок чистой бумаги.

– Пиши рапорт, как все было, и главное – сведения немца. Передам комдиву.

Я согласно кивнул, потянувшись к чернильнице, но потом замер и твердо произнес вслух:

– В ночь с седьмого на восьмое дивизию нужно отвести от противотанкового рва.

Капитан только качнул головой и даже улыбнулся уголком рта – словно хорошей шутке. Тогда я повторил:

– Дивизию нужно отвести назад. Или немцы нас с утра артналетом так подавят, что уже нечем и некому отвечать будет, когда фашисты танки бросят в бой.

Возможно, в начале командир хотел разразиться гневной отповедью, однако в последний миг решил сменить тон на более спокойный, разжевав все как маленькому ребенку:

– Самсонов, ты не комдив. Но даже и будь ты комдивом, такие решения не принимаются без санкции на то командующего армией. А последнему нужно разрешение командующего фронтом. Однако же и генерал-лейтенант Козлов не может не считаться с мнением представителя Ставки Верховного Главнокомандования, товарища Мехлиса, при принятии подобных решений. А товарищ Мехлис…

А товарищ Мехлис, который уже наглядно проявил свои знания и военное искусство при организации бесплодных апрельских атак, бестолково кидая массу людей и техники на немецкую оборону, разрешения на оставление позиций не даст. Это я закончил мысль командира про себя, а вслух заметил:

– Но если это подать не как оставление позиций, а подготовку тылового оборонительного рубежа? Это же в компетенции начальника армии?

Капитан сморщился, словно кислого съел:

– Черняк уже отдавал приказ подготовить второй оборонительный рубеж в тылу дивизии, так Козлов его за это разнес. Мол, людям скоро в наступление, чего окапываться? Пусть силы поберегут… Сам, что ли, не видел место земляных работ?

Я кивнул в ответ.

– Видел. Ну, это же и хорошо. Значит, и комдив, и командарм будут заодно, получив информацию о точной дате начала немецкого наступления. Значит, они разрешат ночью

отвести людей и окончательно подготовить тыловой рубеж.

Тут уж особист не стерпел, едва ли не зарычав на меня:

– Ты что там о себе возомнил, Самсонов?! Может, еще за командующего фронтом решать будешь, что делать?!

Я спокойно выслушал капитана, после чего посмотрел ему прямо в глаза и заговорил:

– Никем я себя не возомнил. Но не хочу, чтобы 8 мая повторились события 22 июня, когда нас спящих прямо в казарме накрыла гаубичная артиллерия, а к окопам мы пробивались под минометным огнем. Смотрите сами, позиции у противотанкового рва подготовлены слабо: окопы и ходы сообщения узкие, местами неглубокие, брустверы не оформлены, бойцы ленятся делать себе бойницы. Это как? Накроет дивизию реактивными снарядами да гаубичными снарядами, потери будут очень большими. Но главное – вражеский артналет выбьет уже нашу артиллерию. И когда враг бросит в бой танки и самоходки, остановить их будет уже нечем.

Глава особого отдела как-то осел под моим взглядом и заговорил уже спокойнее, словно бы всерьез обдумывая мои слова:

– Ну а почему ночью-то? Люди устанут.

– Потому что враг расположился на высотах, просматривая нашу оборону на значительную глубину. Начнет дивизия окапываться заранее, они обстреляют уже новую позицию. В конце концов, стрелковые ячейки роются в течение пары часов, еще столько же соединяются ходами сообщений. Взбод-

рить людей, предупредив о скором наступлении, возможно. И на отдых хоть пара часов останется… А еще стоит пустить слух, что ночью из бойцов отдельных полков НКВД сформирован заградотряд и уже утром он будет на месте. Глядишь, паникеры и трусы-то зад прижмут, помалкивать будут, зная, что назад хода нет.

Капитан всерьез задумался, а я между тем продолжил:

– Противотанковый ров совсем без прикрытия оставлять и без боя сдавать, конечно, глупо. Но если по две роты от каждого полка останутся на старой позиции, этого хватит, чтобы помешать наведению переправ саперами. Главное же – сохранить артиллерию до появления танков. Это значит, что и противотанковые, и дивизионные орудия необходимо тщательно замаскировать и ждать, пока появится немецкая бронетехника.

На лице командира вновь появился намек на блуждающую улыбку.

– Да ты, лейтенант, как я посмотрю, великий тактик? Может, еще и сам к комдиву пойдешь и расскажешь, что ему делать, а?

Однако вся веселость слетела с особиста, как только я вновь поймал взглядом его глаза.

– Все, что я говорю вам, – это чистая логика. И донести ее до комдива сможете вы. К вам, как к начальнику особого отдела, полковник Виноградов будет вынужден прислушаться. А дальше… Мои сведения не могут быть ложью. И все, что я

предлагаю вам сейчас, если не избавит дивизию от будущего поражения, то уж точно спасет ее от жестокого, безвольного разгрома. Также я думаю, что человека, повлиявшего на успех обороны соединения и предоставившего столь важные сведения так своевременно, безусловно, должны будут отметить как наградой, так и повышением по службе.

Н-да, тут капитан окончательно сломался, хотя и постарался не подавать виду. Вместо этого он с легкой усмешкой спросил, маскируя, впрочем, заинтересованность в моих предложениях:

– Что еще подсказывает *ваша* логика, товарищ лейтенант?

Я пожал плечами.

– В армейском подчинении находится 25-й гвардейско-минометный полк. Если удар «Катюш» по переднему краю вражеских позиций, насыщенных перед наступлением живой силой, упредит вражеский артналет, то это очень здорово охладит пыл немцев. А вот гаубичную артиллерию дивизии я бы рекомендовал попридержать до момента введения в бой вражеской бронетехники. Если немец не соврал, а он не соврал, то у врага появились как новые танки, так и самоходки, и нам важнее всего выбить их в первую очередь. Ну а кроме того, в распоряжении начальника армии находится два отдельных танковых батальона. Комдив не сильно рискнет, если попросит хотя бы меньший из них перебросить к нашим позициям – пусть танки легкие, но если зарыть их в землю позади пехотных траншей, то это здорово подняло бы

общую обороноспособность. Удачнее всего разместить их на стыке с 276-й дивизией, чтобы отвод людей на запасную позицию не создал бреши в обороне… А отправить хотя бы и мой взвод на берег моря, к месту возможной высадки десанта, вы можете собственной волей, товарищ капитан. Не появится враг – так вернемся, один взвод погоды не сделает. Но вот если противнику удастся осуществить успешную высадку в нашем тылу, и пройдет слух, что немцы уже сзади, то этого будет достаточно, чтобы лишить бойцов мужества…

8 мая 1942 года.
Декретное время: 7 часов 22 минуты.
Скаты горы Ас-Чалуле

Капитана я убедил. Утром 3-го числа он передал все изложенные мной предложения комдиву Виноградову. Конечно, была велика вероятность того, что полковник просто пошлет особиста с попыткой влезть в его дела, но в нашу пользу сложилось сразу несколько важных обстоятельств. Во-первых, сам факт резки проволоки напротив позиций дивизии, что на деле весьма обеспокоило командование. Во-вторых, что генерал-лейтенант Черняк Степан Иванович *уже* отдавал приказ возводить тыловой рубеж, и всем адекватным военным было в принципе понятно, что вторая линия обороны действительно нужна. Козлову, видать, в свое время шлея под хвост попала – по имени Мехлис Лев Захарович… В-

третьих, свидетелем разговора капитана НКВД и армейского полковника стал представитель генерального штаба в 44-й армии майор Житник, прибывший в расположение дивизии утром узнать подробности о резке проволоки и ночном бое нашей разведгруппы.

Он, кстати, после и со мной потолковал, и ему я сказал все то же самое, что и особисту, *преданно* при этом смотря в глаза… Короче, майор оказался мужиком далеко не глупым и осознающим опасность полноценного удара 11-й армии вермахта в полосе обороны 63-й дивизии, потому поддержал практически все мои предложения, переданные через начальника особого отдела.

И вот 25-й гвардейско-минометный полк провел артподготовку, дивизию ночью отвели на тыловой рубеж, я встретил и разбил вражеский десант… История уже совершенно точно пошла по другому пути. Но хватит ли моих усилий, чтобы и вовсе переписать поражение Крымского фронта?

Глава 4

8 мая 1942 года.
Декретное время: 9 часов 11 минут.
Запасная позиция 63-й горнострелковой дивизии

– Воздух!!!
– Ложись!!!

С криком падаю, залегают и бойцы взвода. Гадство, блин, «лаптежники» – так наши называют пикирующий немецкий бомбардировщик «юнкерс» Ю-87, еще в обиходе есть прозвище «штука» – начинают утюжить позиции дивизии до того, как мы успели добраться до окопов. Точнее, вырытых в спешке стрелковых ячеек, где соединенных, где нет узкими ходами сообщений.

Невозможно передать словами, что испытывает человек, находящийся в непосредственной близости к месту бомбежки в момент пикирования «лаптежников». Один рев их сирен выворачивает душу наизнанку, хочется просто вскочить и бежать, бежать как можно дальше от падающих, как кажется, прямо на тебя «штук»… Но нельзя – бегущего на ровной местности наверняка снесет взрывная волна или срежут осколки. Ну или летчики «доблестного» люфтваффе на выходе из пикирования простегнут хорошо видимую цель пулеметной очередью. Если нет окопа, дающего относительную

защиту от фугасного действия бомб и их осколков, то самое лучшее – это просто лежать и не дергаться, собрав в кулак все свое мужество. Правда, когда сверху падает четверть тонны взрывчатки и ложится хотя бы рядом с траншеями, они просто обваливаются, нередко заживо хороня бойцов в земле… Но даже для того, чтобы просто лежать, требуется ломать свои страхи, диким усилием воли подавляя животный инстинкт бегства – бегства от смертельной опасности. А и как иначе, если от взрывов авиабомб даже на удалении земля вздрагивает так, что тело подбрасывает в воздух, а уши закладывает?!

Есть, правда, еще второй инстинкт, срабатывающий в случае угрозы, – инстинкт самозащиты, инстинкт драки. И действительно, хорошо бы ударить по самолету, да одна незадача – «юнкерс» бронирован, и обычному стрелковому оружию двести килограммов его брони явно не по зубам. Откуда я это все знаю? Да всплывает в голове само по себе.

А вот сейчас, например, всплыло, что среди патронов к машингеверам МГ-34 и МГ-42 есть бронебойно-зажигательные, бронебойно-трассирующие и просто бронебойные…

– Ищите в цинках к трофейным пулеметам ленты с патронами, у которых красные или черные кольца на капсюле! Быстро!!!

Из двадцати семи бойцов взвода убито одиннадцать человек, еще шестеро ранены (семеро вместе со мной), из них трое – тяжело. Последних мы оставили на попечение гарни-

зона дота, в котором я изъял (несмотря на все сопротивление командира, в итоге попавшего в ловушку моего взгляда) двух пулеметчиков, сформировав вместе с ними шесть расчетов с трофейными МГ. Два с 42-й моделью и четыре с 34-й.

Ох, не зря я проводил с бойцами предварительные занятия по изучению трофейного оружия! Благо, что сумел раздобыть (ну как-никак, особый отдел!) второй выпуск дефицитной брошюры воениздата НКО СССР от 1941-го, где как раз описывается единый пулемет МГ-34. Так что по теории я погонял весь взвод, да и пострелять из «дегтярева» дал каждому, чтобы возникло понимание того, что же такое ручной пулемет и как из него вести огонь. Потому сформировать три пары из простых стрелков сумел, хоть и с некоторым скрипом, наглядно продемонстрировав работу трофейного машингевера. Эх, сам ведь хотел из него пострелять! Да, видать, пока не судьба, с раной-то… Оба 42-х отдали «базовым» пулеметчикам, расчетам Ковалева и Петренко, им я провел отдельную быструю лекцию.

– Есть лента!

– И я нашел!

– Перезаряжаем!

Всего два расчета – и пара лент… Не густо. Я уж понадеялся, что будет больше, учитывая, что фрицам предстояло брать дот, а там как-никак бронезаслонки… Но что есть.

Достать не самый на деле быстрый и маневренный бомбардировщик удобнее всего в момент сброса бомб и после-

дующего выхода из пикирования. В это время «лаптежник» как бы зависает в воздухе буквально на секунду – все равно можно приложить. Да вот беда, с двумя лентами, как я думаю, мы ничего не сделаем. Хотя…

– Поменяли?

– Так точно!

Младший сержант Роман Ковалев отзывается сразу, а вот второй «счастливчик», Паша Вавилин – первый номер одного из вновь сформированных расчетов, – медлит, возясь с перезарядкой лент в МГ-34. Я уже было дернулся к нему, чтобы помочь, но тут раздался отчаянный вскрик Женьки Филатова:

– Командир, на нас летит!!!

Поднимаю взгляд к небу – и по спине обдает холодом, а сердце сжимается от ужаса: один из пилотов разглядел залегшую на земле группу противника и направил машину в нашу сторону. Зараза, будет бомбить или уже только стрелять? Бомбить или стрелять?!

«Юнкерс» начинает отвесно падать с неба по направлению к нам, наклонив нос к земле – значит, бомбить будет… Отчаянно, едва не с визгом кричу:

– Вторые номера, встать, взяться за сошки пулеметов! Сжать их крепко! Первые, стреляем по команде, разом!!!

По ушам ударил вой сирен «штуки»; сердце ударило с перебоем, отчего ненадолго заболело в груди. Скорость падения у бомбардировщика очень высокая, а открыть огонь

нужно до того, как он сбросит бомбы! Между тем, как кажется, он уже достиг крайней точки падения. Еще секунда, и…

– ОГОНЬ!!!

К чести бойцов, никто не дрогнул, и очереди трофейных пулеметов синхронно ударили в небо, навстречу пикирующему бомбардировщику. Вот только ни одна не пошла в цель… Оно и неудивительно, ведь зенитных прицелов у нас нет, как и опыта стрельбы по воздушным целям. Но, на удачу всего взвода, расчету Ковалева досталась лента, снаряженная в том числе и бронебойно-трассирующими пулями.

– Рома, наводи по трассерам, быстрее! Остальные, корректируйте стрельбу по очередям Ковалева! Огонь!!!

Со второй попытки опытный сержант-пулеметчик высадил остатки ленты по «лаптежнику», сведя светящиеся в воздухе трассеры с крылом самолета и тут же переведя их на его нос. Кажется, что на «юнкерсе» скрестились очереди и других расчетов – и самолет вдруг неуверенно дернулся в воздухе, а после начал спешно выходить из пикирования! Вот только в этот же миг вниз полетела одна-единственная бомба, сброшенная пусть не прицельно, но…

Но взрыва пятидесяти килограммов взрывчатки, пусть и в ста метрах в стороне от нас, хватило, чтобы подбросить мое тело в воздух и, оглушенного, перевернуть на спину. Левую сторону груди пронзило болью, в глазах потемнело… А когда зрение полностью восстановилось, я увидел приближающийся к нам самолет, летящий теперь горизонтально к

земле. Реабилитироваться хочет, гад, за момент своей слабости… Не ждал, мудак, что жертва зубы покажет, а теперь решил пулеметами поработать, сволочь…

– Огонь!!! – Я отдаю команду, полностью осознавая, что ленты с бронебойными и бронебойно-трассирующими патронами у бойцов уже закончились и что без трассеров попасть будет гораздо сложнее.

Вся надежда на то, что противник вновь дрогнет, повторно свернет с выбранного курса… Трофейные машингеверы заговорили вразнобой, но в этот раз их стрельба не производит на врага никакого впечатления. «Штука» продолжает стремительно к нам приближаться, с секунды на секунду заработает уже ее пулемет, и тогда…

Господи, спаси! Господи, убереги! Господи, защити!!!

Когда человек сталкивается со смертельной опасностью, не имея уже возможности противостоять ей лично, он чаще всего забывает об атеизме, таком популярном в мое время и жестко навязанном перед войной. «В окопах атеистов нет», а уж когда ты лежишь на голой земле и к тебе стремительно приближается вражеский бомбардировщик, то и подавно… Вот только пути Господни неисповедимы, и человеку не дано постичь Божью волю своим разумом. Это я к тому, что порой наши горячие мольбы не имеют видимого результата…

Но не в этот раз.

Два «ишачка», держащиеся у самой земли на высоте бреющего полета, появились словно бы из ниоткуда, букваль-

но вынырнув из воздуха со стороны солнца – справа-позади от нас. И тут же пара советских самолетов, еще в Испании получивших от немцев прозвище «крыса» за внезапные и скрытные атаки снизу, устремилась навстречу летящему на нас «юнкерсу». Вражеский пилот заметил опасность, попытался резко свернуть с курса и, видимо, от неожиданности, с испуга набрать высоту. Но более быстрые и маневренные на горизонталях истребители И-16 синхронно врезали из автоматических пушек ШВАК по подставившему блестящее на солнце брюхо «лаптежнику»… Противопульная броня бомбера оказалась бессильна против очередей 20-миллиметровых орудий, и немецкий самолет взорвался прямо в воздухе.

– Ура-а-а-а-а!!!

Крик радости и облегчения вырвался у всего взвода синхронно – закричал и я, испытывая дикий восторг от увиденного. Между тем штурмующих наши позиции пикировщиков атаковали еще несколько истребителей, и в воздухе вспыхнули сразу две «штуки», не успевшие уйти от атак быстрых и маневренных «крыс»…

Красавец Житник помог наладить взаимодействие с авиацией, не оставили нас летуны без воздушного прикрытия!

Между тем оставшиеся бомберы начали сбиваться в плотную группу. Это защитное построение позволяет бортстрелкам перекрыть значительную площадь воздушного пространства очередями кормовых пулеметов, выставляя перед догоняющими их истребителями настоящую стену огня. И

все же один из спасших нас И-16 бросился вдогонку за немцами. Я аж зубами скрипнул от досады, следя за настигающим «юнкерсы» «ишачком» в трофейный бинокль с отличной цейсовской оптикой. Ну, куда ты, дурак, рвешься!

Истребитель встретила плотная стрельба сразу нескольких пулеметов, однако пилот упрямо повел машину на сближение. Трассеры кормовых машингеверов немцев уже скрестились на моторе «ишачка», но тот упрямо продолжал полет! Я аж рот раскрыл от удивления, однако в голове тут же всплыло:

Мотор двигателя М-25, установленный на истребитель И-16, тип 12, бронирован и выдерживает попадания пуль винтовочного калибра машингевера МГ-15, являющегося оборонительным вооружением «юнкерса» Ю-87.

Между тем, И-16 уже значительно приблизился к строю вражеских самолетов, а секунду спустя у него под крыльями полыхнуло пламя! К «лаптежникам» полетели реактивные снаряды, протянувшие за собой в воздухе длинные дымные следы!

РС-82 – реактивный снаряд калибра 82 миллиметра, неуправляемый авиационный боеприпас класса «воздух-воздух». Используется советскими истребителями и штурмовиками, первое боевое применение состоялось 20 августа

1939 года во время боев на реке Халхин-Гол.

В строю «штук» взорвалось сразу три пикировщика, которых эрэсы буквально разнесли на куски! А секунду спустя самолет смельчака-истребителя сам взорвался в воздухе, прошитый пулеметно-пушечными очередями свалившегося сверху «мессершмита»…

– Твою ж дивизию! – не смог я удержаться от эмоций.

И хотя я никак не мог предупредить погибшего пилота, тот факт, что пропустил момент вражеской атаки, вызвал в душе целую бурю чувств, а сердце больно сжалось при виде сбитого «ишачка»… Атака с превышения, «соколиный удар» – прием, еще в Испании придуманный нашими летчиками, пилотирующими, кстати, И-16, но отлично выученный немцами. Имеющие большую скороподъемность и высотность двигателей, пилоты «мессершмитов» серий «Эмиль» и «Фридрих» предпочитают упасть сверху на вражеские самолеты и расстрелять их, а после вновь быстро набрать высоту для следующей атаки.

Вот только ведомый смельчака (в отличие от меня и павшего летчика) разглядел опасность и успел развернуть машину навстречу другому «мессеру», встретив его пушечными очередями. Кажется, огонь «сталинского сокола» даже зацепил крыло немцу, и последний тут же ушел с атакующего курса, принявшись вновь набирать высоту…

Следить за окончанием воздушной схватки я не стал, хотя

было безумно интересно узнать, чем кончится драка. Но пока «юнкерсов» хотя бы временно отогнали от позиций дивизии, стоит как можно скорее добраться до окопов. В противном случае, если пикировщики вернутся, а мы еще не успеем добежать до укрытий, гибель спасшего нас храбреца окажется просто напрасной!

…Изначально я хотел расположить свой взвод на некотором удалении за линией траншей и в буквальном смысле использовать его как заградотряд. Правда, вскоре стало ясно, что даже если *каждый* боец моего полного, не понесшего потерь взвода будет вооружен трофейным или нашим, советским пулеметом, то все равно людей просто не хватит перекрыть всю протяженность линии обороны 63-й горнострелковой. И уж совсем эта идея стала нереальной после того, как я потерял убитыми и ранеными более половины взвода. Тем более никаких позиций в тылу дивизии мы не готовили, что в условиях воздушных атак и вовсе выглядит чистым самоубийством… Потому я решил укрепить левый, ближний к морю фланг дивизии шестью пулеметными расчетами и здесь же, на более или менее подготовленных позициях, встретить вражеский удар.

Финальный рывок до траншей прошел под аккомпанемент частых, густых очередей над головой и взрывов упавших самолетов. Я насчитал трех сбитых «ишачков» и только один «мессер», что, впрочем, не столь удивительно, учитывая техническое превосходство вражеских машин и

безотказность разумной до трусливости тактики пилотов люфтваффе. Не принимают они боя на горизонталях, где И-16 обладают лучшей маневренностью, все с неба норовят свалиться… Уцелевшая пара советских истребителей взяла курс на восток, в сторону аэродромов, а «худые» – расхожее в РККА прозвище «мессершмитов» всех моделей – провели уже собственную штурмовку траншей.

Но к этому моменту мы с бойцами уже добежали до окопов (дыша, правда, как загнанные лошади). И когда к нам приблизился один из истребителей, мои пулеметчики уже привычно встретили слабобронированный вражеский самолет плотным и в этот раз дружным огнем трофейных машингеверов. И хотя попасть по невероятно быстрому «мессеру» мы, может, и не попали, но и врезать по нам прицельно не дали: пулеметно-пушечные очереди немца легли в стороне.

Наконец пилоты «худых» оставили нас в покое, но шум моторов при этом не смолк. Только в этот раз это были моторы уже наземных машин вермахта: преодолев противотанковый ров по наведенным саперами переправам, прямо на нас двинулась группа из шести самоходок и многочисленная вражеская пехота, навскидку численностью до батальона. В бинокль среди штурмовых орудий я с бешено забившимся сердцем разглядел две машины с открытой рубкой и длинными орудийными стволами.

Вот они, «мардеры».

Когда мы бежали к окопам, метров за триста за позициями

пехоты я разглядел батарею дивизионных орудий. Правда, она попала под налет авиации, но ведь кто-то же должен был уцелеть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.